

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин

В раннем детстве любил я огромное кресло, носившее странное название «Курым». За это кресло меня прозвали Курымушкой. Прозвище долго мучило и злило меня, пока, наконец, я не поумнел и не понял, что злиться и драться нехорошо. И как только я это понял и перестал злиться, так вскоре все и перестали меня дразнить Курымушкой.

Моя мать, еще молодая, в сорок лет осталась вдовой с пятью мальми ребятами на руках. Она должна была каждый день вставать до восхода солнца. Очень рано, далеко до восхода, няня моя должна была для нее приготовить самовар и вскипятить молоко в глиняном горшочке. Сверху этот горшочек всегда покрывался румяной пенкой, и под этой пенкой наверху было необыкновенно вкусное молоко, и чай от него делался прекрасным. Я однажды случайно встал тоже до солнца, чтобы на заре расставить силки на перепелок. Мать угостила меня этим своим чаем, и такое угощение решило мою жизнь в хорошую сторону: я начал, как мать, вставать до солнца, чтобы напиться с ней вкусного чаю.

Мало-помалу я к этому утреннему вставанию так привык, что уже и не мог проспать восхода солнца.

После чаю мать моя садилась в дрожки и уезжала в поле. Я же уходил на охоту за перепелками, скворцами, соловьями, кузнечиками, горлинками, бабочками. Ружья тогда у меня не было, но и теперь ружье в моей охоте не обязательно. Моя охота была и тогда и теперь в находках: нужно было найти в природе такое, чего я еще не видал и, может быть, никто еще в жизни своей с этим не встречался. Перепелку-самку надо было силками поймать такую, чтобы она лучше всех подзывала самца, а самца сетью поймать самого голосистого. Тоже и соловья молодого надо было кормить муравьиными яичками, чтобы он потом пел лучше всех. А поди-ка, найди такой муравейник, поди-ка, ухитрись набить мешок этими яйцами и потом отманить муравьев на ветки от своих драгоценных личинок. Хозяйство мое было большое, тропы бесчисленные. Но и теперь, ночью, когда не спится, чтобы заснуть, я представляю себе в закрытых глазах с точностью все тропинки, все овражки, и камушки, и канавки, и хожу по ним, пока не усну.

Особым видом моей охоты была охота за яблоками, грушами, ягодами. К нашему большому саду примыкали сады других владельцев, и так они тянулись очень далеко. Все эти сады сдавались в аренду, и их стерегли страшные караульщики. Охота была очень опасная, но особенно интересная. Добычу забирал я в пазуху и такими «пазухами» ссыпал в амбар. В полдень после обеда, когда мать ложилась отдыхать, я приходил под амбар к своей добыче. Тут на послеобеденный отдых собирались в тень и прохладу все работники, и начинался между нами обмен. Я им давал яблоки, они мне платили за это, кто чем мог: кто сетку сплетет, кто дудочку-жалейку соберет из тростника и коровьего рога, кто поймает горлинку, кто кузнечиков-трескунков с красными и голубыми крыльями. Но главное, чем они мне платили, было в их рассказах и сказках о какой-то чудесной стране в Золотых горах и на Белых водах.

Сказка эта о чудесной стране рождалась в крестьянском горе. Дело было в том, что у них было мало земли, и эта земля тоже все уменьшалась, потому что новые люди рождались, а кругом земля была помещичья. Вот тогда от большой нужды и горя разведчики из крестьян – ходоки – начали отправляться в Сибирь и потом сманивать наших бедных крестьян туда своими рассказами о чудесной стране Алтае в Золотых горах. Конечно, я расспрашивал о чудесной стране во всех подробностях, и мне выдумывали умелые рассказчики всякий вздор. Только один мужичок, маленький и очень добрый, по прозвищу Гусек, никогда не врал о чудесной стране, а показывал мне настоящие чудеса. Это он научил меня ловить сеткой перепелов, выкармливать молодых соловьев, учить разговору скворцов, разводить голубей-турманов и тысячам-тысяч всяких чудес. Самое главное, чему я у него выучился, это пониманию, что все птицы разные, и зайцы, и кузнечики, и все животные существа тоже, как люди, между собой отличаются, что у них тоже, как у нас, если он Иван, то так он и есть Иван, Петр – это уже другой. Так и воробьи тоже у него были все разные, и он мог это видеть, и это главное, чему я у него выучился.

Гусек был самый бедный мужичок. Он много времени отдавал всяким своим охотам,

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
ловле перепелок, разведению голубей, пчел и всяким охотничьим опытам. Он был всегда радостный и не мечтал о чудесной стране в Золотых горах: его чудесная страна была его родина, тут у нас, в селе Хрущево Елецкого уезда Орловской губернии. Вот этому простому чувству родины своей я тогда еще не мог у него научиться и тоже вместе с другими обыкновенными мужиками мечтал о чудесной стране в Золотых горах.

В девять лет я уже был такой же охотник, как и теперь, конечно, только без нынешнего опыта. Мне бы учиться еще и учиться у Гуська пониманию природы больше и больше. Но мать моя видела вперед, что на этом пути мое положение в будущем будет не лучше, чем у беднейшего из крестьян Гуська. И мать увезла меня в Елец и отдала в классическую гимназию учиться латинскому языку, русскому, арифметике и географии.

Учился я старательно, только учителя меня признавали «рассеянным». Они не знали, что я не мог быть хорошим учеником потому, что и днем, и ночью во сне, и во время занятий по арифметике, и латинского, и географии неотступно думал о том, как бы и мне вместе с мужиками убежать в чудесную страну в Золотых горах. Через год такой упорной думы я нашел себе четырех товарищей, и мы уехали на лодке по реке быстрой Сосне в Тихий Дон, намереваясь так попасть в Золотые горы в Азии. Через несколько дней нас поймали, и я понял, что чудесная страна – это что самому хочется, а учиться – надо. Так я потом и учился и жил, будто раскладывая нажитое в два ящика: в один ящик я копил то, что надо, а в другой складывал на будущее то, что себе хочется.

Конечно, я не раз срывался с этого пути: когда надо было жить, как надо, я поступал, как мне хочется. Но от этого неизменно получалось несчастье, как в гимназии, когда надо мной издевались и дразнили: «поехал в Азию, приехал в гимназию». Мало-помалу, однако, я хорошо усвоил себе, что непременно надо окончить среднее учебное заведение, и потом высшее, и практически усвоить свою специальность. Все это я добросовестно сделал и, наконец, в один действительно прекрасный день своей жизни понял, что я все кончил, что я готов, что я выполнил все, что надо, и теперь могу свободно жить, как мне хочется.

Вот тогда я купил себе ружье, удочки, котелок. Вспомнилось мне тогда, как учителя мои под амбаром рассказывали о каком-то волшебном колобке: колобок катится, а человек идет за ним в какую-то чудесную страну, в Золотые горы. Так я и пошел на Север за колобком в край непуганых птиц. Было это полвека тому назад. Там, на Севере, я записывал сказки, и это было точно то же самое, что делал я в детстве своем под амбаром. Только тогда я все в себя складывал, а теперь я сам стал складывать сказки и отдавать их на пользу людям, и мне стало от этого хорошо, я до страсти полюбил свое дело.

«У РОССТАНИ»

В некотором царстве, в некотором государстве жить людям стало плохо, и они стали разбегаться в разные стороны. Меня тоже потянуло куда-то.

– Бабушка, – сказал я, – испеки ты мне волшебный колобок, пусть он уведет меня в леса дремучие, за синие моря, за океаны.

Бабушка взяла крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела, набрала муки пригоршни с две и сделала веселый колобок. Он полежал, полежал, да вдруг и покатился с окна на лавку, с лавки на пол, по полу да к дверям, перепрыгнул через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота – дальше, дальше.

У росстани остановился колобок. А я сел на камень и осмотрелся. Впереди меня на берегу плачет последняя березка, позади город – узкая полоска домов между синей тундрой и Белым морем. Направо морской путь в Ледовитый океан, налево береговая тропинка лесами к Соловецким островам: ее протоптали богомольцы в монастырь. Куда поведет колобок: направо – в море, или налево – в лес?

Хотелось бы мне идти с моряками. Но море чужое мне. А по тропинке – лес, родной. И в лес тянет меня волшебный колобок.

Направо или налево, не могу я решить. Вижу, идет мимо старичок. Попытаю его.

– Здравствуй, дедушка!

Старик останавливается, удивляется мне, не похожему ни на странника, ни на барина-чиновника, ни на моряка.

Спрашивает:

– Куда ты идешь?

– Иду, дедушка, везде, куда путь лежит, куда птица летит. Сам не ведаю, куда глаза глядят.

– Дела пытаешь или от дела пытаешь?

– Попадется дело – рад делу, но только, вернее, от дела лытаю.

– Ишь ты, – старик качает головой, – дела да случаи всех примучили, вот и разбегается народ.

– Укажи мне, дедушка, землю, – прошу я, – где не перевелись бабушки-задворенки, Кощеи Бессмертные и Марьи Моревны?

– Поезжай в Дураково, – отвечает старик: – нет глуше места.

«Шустрый дед!» – подумал я, собираясь ответить смешно и необидно. И вдруг сам увидел на своей карманной карте Дураково – беломорскую деревню против Соловецких островов.

– Дураково! – воскликнул я. – Вот Дураково!

– Ты думал, я шучу? – улыбнулся старик. – Дураково есть у нас, самое глухое и самое глупое место.

Дураково мне почему-то понравилось; я даже обиделся, что старик назвал деревню глупой. Она так называется, конечно, потому, что в ней Иванушки-дурачки живут. А только ничего не понимающий человек назовет Иванушку глупым.

Я подумал о лесных тропинках, протоптанных странниками, о ручьях, где можно поймать рыбу и тут же сварить ее в котелке, об охоте на разных незнакомых мне морских птиц и зверей.

– Подожди немного на камне, – сказал дед, – кажется, здесь есть дураковцы, они лучше меня расскажут. Если тут, я их к тебе пришлю. Счастливый путь!

Через минуту вместо старика пришел молодой человек, с ружьем и с котомкой.

Он заговорил не ртом, казалось мне, а глазами – такие они у него были ясные и простые.

– Барин, раздели наше море! – были его первые слова.

Я изумился. Я только сейчас думал о невозможности разделить море и тем даже объяснил себе преимущества северных людей: земля дробится, но море неделимо.

– Как же я могу разделить море? Это только Никита Кожемяка со Змеем Горынычем делили, да и то у них ничего не вышло.

В ответ он подал бумагу. Дело шло о разделе семужных тонь с соседней деревней.

Нужен был начальник, но в Дураково ехать никто не хотел.

– Барин, – продолжал упрашивать меня деревенский ходок, – не смотри ты ни на кого, раздели ты сам.

Я понял, что меня принимают за важное лицо. В северном народе, я знал, существует легенда о том, что иногда люди необычайной власти принимают на себя образ простых странников и так узнают жизнь народа. Я знал это поверье, распространенное по всему свету, и понял, что теперь конец мне.

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Я по опыту знал, что стоит только деревне в страннике заподозрить начальство, как мгновенно исчезнут все бабушки-завдоренки, сам перестанешь верить в свое дело, и колобок останавливается. Я стал из всех сил уверять Алексея, что я – не начальство, что иду я за сказками: объяснил ему, зачем это мне нужно.

Алексей сказал, что понял, и я поверил его открытым, чистым глазам.

Потом мы с ним отдохнули, закусили и пошли. Колобок покатился и запел свою песенку:

Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел.

«ЛЕС»

Шли мы долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, – добрались до деревушки Сюзьма. Здесь мы простились с Алексеем. Он пошел вперед, а я не надеялся на свои ноги и просил прислать за мной лодку в Красные Горы – деревню у самого моря по эту сторону Унской губы. Мы расстались; я отдохнул день и пошел в Красные Горы.

Путь мой лежал по краю лесов и моря. Тут место борьбы, страданий. На одинокие сосны страшно и больно смотреть. Они еще живые, но изуродованы ветром, они будто бабочки с оборванными крыльями. А иногда деревья сростаются в густую чащу, встречают полярный ветер, пригибаются в сторону земли, стонут, но стоят и выращивают под своей защитой стройные зеленые ели и чистые прямые березки. Высокий берег Белого моря кажется щетинистым хребтом какого-то северного зверя. Тут много погибших, почерневших стволов, о которые стучит нога, как о крышку гроба; есть совсем пустые черные места. Тут много могил. Но я о них не думал. Когда я шел, не было битвы, была весна: березки, пригнутые к земле, поднимали зеленые головки, сосны вытягивались, выпрямлялись.

Мне нужно было добывать себе пищу, и я увлекся охотой, как серьезным жизненным делом. В лесу на пустых полянках мне попадались красивые кроншнепы, перелетали стайки турухтанов. Но больше всего мне нравилось подкрадываться к незнакомым морским птицам. Издали я замечал спокойные, то белые, то черные головки. Тогда я снимал свою котомку, оставлял ее где-нибудь под заметной сосной или камнем и полз. Я полз иногда версту и две; воздух на севере прозрачный, я замечал птицу далеко и часто обманывался в расстоянии. Я растирал себе в кровь руки и колени о песок, об острые камни, о колючие сучки, но ничего не замечал. Ползти на неизвестное расстояние к незнакомым птицам – вот высочайшее наслаждение охотника, вот граница, где эта невинная, смешная забава переходит в серьезную страсть.

Я ползу совсем один под небом и солнцем к морю, но ничего этого не замечаю потому, что так много всего этого в себе; я ползу, как зверь, и только слышу, как больно и громко стучит сердце. Вот на пути протягивается ко мне какая-то наивная зеленая веточка, тянется, вероятно, с любовью и лаской, но я ее тихонько, осторожно отвожу, пригибаю к земле и хочу неслышно сломать. И будто стонет она. Я страшно пугаюсь, ложусь вплотную к земле, думаю: все пропало, птицы улетели. Потом осторожно гляжу вверх. Все спокойно; больные сосны на солнце, ослепительно сверкает зелень северных березок; все тихо, все молчит. Я ползу дальше к намеченному камню, приготавливаю ружье, взвожу курки и медленно выглядываю из-за камня, скрывая ружье в мягком ягеле.

Иногда в четырех-пяти шагах перед собой я вижу больших незнакомых птиц. Одни спят на одной ноге, другие купаются в море, третьи просто глядят на небо одним глазом, повернув туда голову. Раз я так подкрался к задремавшему на камне орлу, раз – к семье лебедей.

Мне страшно шевельнуться, я не решаюсь направить ружье в спящую птицу. Я смотрю на них, пока какое-нибудь нечаянное движение, под влиянием какого-нибудь горького воспоминания не обломит под локтем сучок и все птицы со страшным шумом, плеском, хлопаньем крыльев не разлетятся в разные стороны. Я не сожалею, не сержусь на себя за свой промах и радуюсь, что я здесь один, что этого никто не видел из моих товарищей-охотников. Но иногда я убиваю. Пока птица еще не в моих руках, я чем-то наслаждаюсь еще, а когда беру в руки, то все проходит. Бывают тяжелые случаи, когда птица не дострелена. Тогда я иногда начинаю думать о своей страсти к охоте и природе как о чем-то очень нехорошем. Я так размышляю, но мне на дороге попадают новые птицы; я забываю то, о чем думал минутой раньше.

«КРАСНЫЕ ГОРЫ»

В одном из черных домиков у моря, под сосной с сухой вершиной, живет бабушка-задворенка. Ее избушка называется почтовой станцией, и обязанность старушки – охранять проезжих чиновников. Онежский почтовый тракт с этого места уходит на юг, а мой путь – на север, через Унскую губу. Только отсюда начинаются самые глухие места. Я хочу в ожидании лодки отдохнуть у бабушки, изжарить птицу и закусить.

– Бабушка, – прошу я, – дай мне сковородку, птицу изжарить.

Но она отшвыривает мою птицу ногой и шипит:

– Мало вас тут шатается! Не дам, прожгешь.

Я вспоминаю предупреждение Алексея. «Где хочешь живи, но не селись ты на почтовой станции, – съест тебя злая старуха», и раскаиваюсь, что пришел к ней.

– Ах ты, баба-яга, костяная твоя нога!

За это она меня вовсе гонит – под тем предлогом, что с часу на час должен приехать генерал и занять помещение. Генерал же едет в Дураково, море делить.

Я не успел открыть рот от изумления и досады, как старуха, посмотрев в окно, вдруг сказала:

– Да, вишь, и приехали за генералом. Вон идут с моря. Алексей прислал. Ступай-ка, ступай, батюшка, куда шел.

А потом еще раз оглядела меня и ахнула:

– Да уж не сам ли ты генерал?!

– Нет, нет, бабушка, – спешу я ответить, – я не генерал, а только лодка эта за мной послана.

– Ин и есть! Вот так и ну! Прости меня, ваше превосходительство, старуху! За политика тебя приняла: нынче все политику везут. Сила несметная, – все лето везут и везут. Марьюшка, оципли ты поскорей курочек, а я яишенку поставлю.

Я умоляю бабушку мне поверить. Но она не верит: я настоящий генерал; я уже вижу, как усердно начинают щипать для меня кур.

Тут вошли три помора и две женки – экипаж поморской почтовой лодки. Старый дед-кормщик, его так и зовут все «коршик», остальные – гребцы: обе женки с грубыми, обветренными лицами, потом «Мужичок-с-ноготок – борода с локоток» и молодой парень, белокурый, невинный, совсем Иванушка-дурачок.

Я генерал, но все здороваются со мной за руку, все усаживаются на лавку и едят вместе со мной яичницу и птицу. А потом Мужичок-с-ноготок, не обращая на меня внимания, сыплет свои прибаутки женке, похожей на бомбу, начиненную смехом. Мужичок болтает, бомба лопается и приговаривает: «Ой, одолит, Степан! Степаны сказки хлебны, скоромны. Вот бородку вокруг кулака обмотаю, да и выдерну».

Но как же это, ведь я же генерал? Даже обидно. Или уже это начинается та страна, где не ступала нога начальства, где люди живут, как птицы у берега моря?

– Приезжай, приезжай, – говорят все, – у нас хороший, приемистый народ. Живем мы у моря. Живем в стороне, летом семушку ловим, зимой зверя промышляем. Народ наш тихий, смиренный; ни в нем злости, ни в нем обиды. Народ, что тюлень. Приезжай.

Сидим, болтаем; близится вечер и белая ночь у Белого моря. Мне начинает казаться, что я подполз совсем близко к птицам у берега, высунулся из-за белого камня, как черная муравьиная кочка, и никто не знает кругом, что это не кочка, а злой зверь.

Степан начинает рассказывать длинную сказку про златоперого ерша.

«МОРЕ»

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru

Мы выедем только на рассвете «полой водой» (во время прилива). Каждые шесть часов на Белом море вода прибывает и потом шесть часов убывает. «По сухой воде» (во время отлива) наша лодка где-то не проходит.

С каждым днем светлеют все ночи, потому что я еду на север и потому что время идет. Каждую такую ночь я встречаю с любопытством, и даже особая тревога и бессонница этих ночей меня не смущают. Спать привыкаю днем.

Мужичок-с-ноготок журчит свою сказку. Мне и сказка интересна, и туда тянет, за стены избушки. Море, хотя и с той стороны избушки, но я угадываю, что там делается, по золотой луже на дороге.

– Солнце у вас садится? – перебиваю я сказку.

– Почитай, что и не закатается: уткнется, как утка, в воду – и наверх.

И опять журчит сказка и блестит лужица. Кто-то слышно, спит.

– Да вы спите, крещеные? – останавливается рассказчик.

– Нет, нет, нет, рассказывай, мани, старик!

– Ай еще потешить вас сказочкой? Есть сказочка чудесная, есть в ней дивы-дивные, чуды-чудные.

– Мани, мани, старик!

Все по-прежнему журчит сказочка.

Захрапел старый дед, свесил голову Иванушка, уснула женка, уснула другая.

– Все уснули, крещеные? – опять окликает Мужичок-с-ноготок.

– Нет, я не сплю, рассказывай.

– Проехал черный всадник, и конь черный, и сбруя черная.

Засыпает и рассказчик, чуть бормочет. Еле слышно. Дремлю и я. Дремлю и слушаю. Из одной бабушки-задворенки делается у меня четыре, из каждого угла глядит черная злая колдунья.

Пробежала Зорька, Вечерка, Полуночка. Проехал белый всадник, и конь белый, и сбруя белая.

Спохватился рассказчик:

– Вставайте, крещеные, вода прибывает, вставайте! Пошлет господь поветрь, в лодке уснете.

Мы тихо идем по песку к морю. Рассыпалась деревенька черными комочками на песке, провожает нас.

– Спите, спите, добрые, мы свои, – отвечаем мы.

– Тишинка! – шепчет женка.

– Краса! – отвечает Иванушка.

Задумалась женка, забыла свое некрасивое лицо, в лодке улетела по цветным полоскам и, прекрасная, засияла во все море и небо. Стукнул веслом Иванушка, разбудил в воде огнистые зыбульки.

– Зыбульки зыбаются.

– А там парус, судно бежит!

Все смеются надо мной.

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru

– Не парус, это чайка уснула на камне.

Подъезжаем к ней. Она лениво потягивается крыльями, зевает и летит далеко-далеко в море. Летит, будто знает, зачем и куда. Но куда же она летит? Есть там другой камень? Нет. Там дальше морская глубина.

Что это? Прозвенела светлая, острая стрела?.. Или это наши южные степи сюда, на север, откликнулись?

– Что это, крещеные?

– Журавли проснулись.

– А там что, наверху?

– Гагара вопит.

– Там?

– Кривки на песочке накликают.

Протянулись веревочкой гуси, строгие, старые, в черном, один за другим, все туда, где исчезла таинственной темной точкой белая чайка.

Потом повалили несметными стаями гаги, утки, чайки. Но странно, все туда, в одном направлении, где горит общий край моря и неба. Летят молча, только крылья шумят.

Зашумели, закричали со всех сторон птицы, рассыпались несметные стаи возле самой лодки, – говорливые, болтливые, совсем как деревенские девушки в праздник. Танцуют, прыгают, ликуют золотые, синие, зеленые зыбульки. Шутит забавный Мужичок-с-ноготок с женой. И где-то далеко у берега умирает прибор.

– Ивашенко, Ивашенко, выдь на бережок, – зовут с берега горки, сосны и камни.

– Челнок, челнок, плыви дальшенко, – улыбается рассеянно Иванушка и ловит веслами смешные огнистые зыбульки. Женки затаили старинную русскую песню про лебедь белую, про травушку и муравушку. Ветер подхватывает песнь, треплет ее вместе с парусом, перепутывает ее с огненными зыбулками. Лодка колышется на волнах, как люлька. Все добродушней, ленивей становится мысль.

– Чайку бы.

– Можно, можно. Женки, грейте самовар!

Разводят самовар, готовится чаепитие на лодке, на море. Чарка обошла круговую, остановилась на женках. Немножко поломались и выпили. Много ли нужно для счастья! Сейчас, в эти минуты, я ничего для себя не желаю.

– А ты, Иванушка? Есть у тебя Марья Моревна?

Глупый царевич не понимает.

– Ну, любовь. Любишь ты?

Все не понимает. Я вспоминаю, что на языке простого народа любовь – нехорошее слово: оно выражает грубо-чувственную сторону, а самая тайна остается тайной без слов. От этой тайны пылают щеки деревенской красавицы, такими тихими и интимными становятся грубые, неуклюжие парни. Но словом не выражается. Где-нибудь в песне еще прозвучит, но так, в обычной жизни слово «любовь» нехорошо и обидно.

– Жениться собираешься? Есть невеста?

– Есть, да у таты все не готово. Изба не покрыта. В подмоге не сходятся.

Женки наши слышат, сожалеют Иванушку. Времена настали худые, семги все меньше, а подмоги все больше. В прежние годы много легче было: за Катерину десятку дали, а

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Павлу и вовсе за три рубля купили и пропили.

– Дорогая Марья Моревна?

– Голой рукой не возьмешь, разве убогом.

– Вот, вот, – подхватываю я, – надо украсть Марью Моревну.

– Поди-ка, украдь, как ночи светлые. Попробовал один у нас красть, да поймали, да все изодрались. Потемнеет осенью, может быть, и украду.

Так я и знал, так и думал про эти светлые бестелесные северные ночи.

Усталость! Страшная усталость! Как бы хорошо теперь заснуть нашей темною южной ночью! Бай-бай. – качает море.

Склоняется темная красавица со звездами и месяцем в тяжелой косе.

Усни, глазок, усни, другой!

Я вздрагиваю. Совсем близко от нас показывается из воды большая серебряная спина, куда-куда больше нашей лодки. Чудовище проводит светлую дугу над водой и опять исчезает.

– Что это? Белуха? – неуверенно спрашиваю я.

– Она, она. Ух! И там!

– И там! И там! Что лед! Воду сушит!

Я знаю, что это огромный северный зверь из породы дельфинов, что он не опасен. Но если вынырнет совсем возле лодки, зацепит случайно хвостом?..

– Ничего, ничего, – успокаивают меня спутники, – так не бывает.

Они все, перебивая друг друга, рассказывают мне, как они ловят этих зверей. Когда вот так, как теперь, засверкают на солнце серебряные спины, все в деревне бросаются на берег. Каждый приносит по две крепких сети, и из всех этих частей сшивают длинную, больше трех верст, сеть. В море выезжает целый флот лодок: женщины, мужчины, старые, молодые – все тут. Когда белуха запутается, ее принимают на кутило (гарпун).

– Веселое дело! Тут и женок купают, тут и зверя бьют. Смеху, граю! И женки тоже не промах, тоже колют белух, умеют расправиться.

Как же это красиво! Какая сказочная, фантастическая битва на море.

Ветер быстро гонит нашу лодку по морю вдоль берега. Иванушка перестал помогать веслами, задремал у борта. Женки лежат давно уже одна возле другой на дне лодки, у потухшего самовара. Мужичок-с-ноготок перебрался к носу и так и влип там в черную смолу.

Не спит только кормщик, молчаливый северный старик. Возле кормы на лодке устроен небольшой навес от дождя, «заборница», вроде кузова на нашей дорожной таратайке. Туда можно забраться, лечь на сено и дремать. Я устраиваюсь там, дремлю. Иногда вижу бородатого мужика и блески от серебряных зверей, а иногда ничего, – какие-то красные огоньки и искры во тьме под навесом.

Сказки и белые ночи и вся эта бродячая жизнь запутали даже и холодный, рассудочный, северный день.

Я проснулся. Солнце еще над морем, еще не село. И все будто грезится сказка.

Высокий берег с большими северными соснами. На песок к берегу с угора сбежала заморская деревушка. Повыше – деревянная церковь, и перед избами много высоких восьмиконечных крестов. На одном кресте я замечаю большую белую птицу. Повыше этого дома, на самой вершине угора, девушки водят хоровод, поют песни, сверкают золотистыми одеждами. Как в сказках, которые я записываю здесь, со слов народа.

- Праздник, – говорит Иванушка, – девки на угор вышли, песни поют.
- Праздник, праздник! – радуются женки, что ветер донес их вовремя домой.

Наверху мелькают девушки своими белыми плечами, золотыми шубейками и высокими повязками. А внизу из моря на желтый берег выползли черные бородатые люди, неподвижные, совсем как эти беломорские тюлени, когда они выходят из воды погреться на берег. Я догадываюсь, – они шивают сети для ловли дельфинов.

Мы приехали не вовремя, в сухую воду.

Между нами и песчаным берегом широкая черная, покрытая камнями, лужами и водорослями темная полоса; тут лежат, наклонившись набок, лодки, обнажились рыбные ловушки. Это место отлива, «куйпога».

Мы идем по этой куйпоге, утопая по колено в воде и грязи. Множество мальчишек, приподняв рубашонки, что-то нащупывают в воде ногами. Топчутся. Поют песню.

- Что вы тут делаете, мальчишки?
- Топчем камбалку.

Достают при мне из воды несколько рыб, почти круглых, с глазами на боку. Поют:

Муля, муля, приходи, цело стадо приводи,
либо двух, либо трех, либо целых четырех.
«Муля» – какая-то другая, совсем маленькая рыбка, а эту песенку дети выслушали тут на отливе. И сами эти ребяташки, быть может, скатились сюда на отлив с угора, а быть может, море их тут забыло вместе с рыбами.

Старый кормщик улыбается моему вниманию к детям и говорит:

- Кто от чего родится, тот тем и занимается.

Кое-как мы достигаем берега; теперь уже ясно, что это не морские звери, а люди сидят на песке: поджав ноги, почтенные бородатые люди путают и распутывают какие-то веревочки. Наши присоединяются к ним, и только женки уходят в деревню, верно, собираются на угор. Мужичок-с-ноготок достает себе клубок пряжи, привязывает конец далеко за углом в проулке и начинает крутить, сучить и медленно отступать.

Покрутит-покрутит и ступит на шаг. А навстречу ему с другого конца отступает точно такой же мужичок-с-ноготок. Когда-то встретятся спинами эти смешные старики?

Иванушка зовет меня посмотреть Марью Моревну.

Мы поднимаемся на угор.

- Здравствуйте, красавицы!
- Добро пожаловать, молодцы!

Девушки в парчевых шубейках, в жемчужных высоких повязках плавают взад и вперед. Нам с Иванушкой за бугром не видно деревни, но одно только море, и кажется, будто девушки вышли из моря.

Одна впереди: лицо белое, брови соболиные, коса тяжелая. Совсем наша южная красавица – ноченька темная, со звездами и месяцем.

- Эта Марья Моревна?
- Эта. – шепчет Иванушка. – Отец вон там живет, вон большой дом с крестом.
- Кощей Бессмертный? – спрашиваю я.
- Кощей и есть, – смеется Иванушка. – Кощей богач. У него ты и переночуешь и

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
поживешь, коли поглянется.

Солнце остановилось у моря и боится коснуться холодной воды. Длинная тень падает от креста Кощея на угор.

Мы идем туда.

– Здравствуйте, милости просим!

Сухой, костлявый старик с красными глазами и жидкой бородой ведет меня наверх, в «чистую комнату».

– Отдохни, отдохни. Ничего. Что ж. Дорога дальняя. Уморился.

Я ложусь. Меня качает, как в лодке. Качнусь и вспомню: это не лодка, это дом помора. На минутку перестает качать – и опять. Я то засыпаю, то пробуждаюсь и открываю глаза.

Впереди, за окном, большой восьмиконечный крест и горящее полуночной зарей море. На берегу люди все еще шивают сети, и те два смешных старика все крутят веревочки, все еще не встретились.

Бай-бай. – качает море.

Все тихо. Спят. Как они могут спать такой светлой ночью?

«У МАРЬИ МОРЕВНЫ»

Радостно стучит и бьется на новом месте волшебный колобок.

Так свежа, молода эта песенка: «Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел».

Я в «чистой» комнате зажиточного помора. Посреди нее с потолка свешивается вырезанный из дерева, окрашенный в сизую краску голубок. Комната эта для гостей, в верхнем этаже, а внизу живут хозяева. Я слышу оттуда мерный стук. Будто от деревенского прядильного станка.

И хорошо же вот так удрать от всех в какое-то новое место, полное таинственных сновидений. Хорошо так касаться человеческой жизни с призрачной, прекрасной стороны и верить, что это – серьезное дело. Хорошо знать, что это не скоро кончится. Как только колобок перестанет петь свою песенку, я пойду дальше. А там еще таинственнее. Ночи будут светлеть с каждым днем, и где-то далеко отсюда, за Полярным кругом, в Лапландии, будут настоящие солнечные ночи.

Я умываюсь. Чувствую себя бесконечно здоровым.

Мечты с самого утра. Я могу летать здесь, куда хочу, я совершенно один. Это одиночество меня нисколько не стесняет, даже освобождает. Если захочу общения, то люди всегда под рукой. Разве тут, в деревне, мало людей? Чем проще душа, тем легче увидеть в ней начало всего. Потом, когда я поеду в Лапландию, вероятно, людей не будет, останутся птицы и звери. Как тогда? А потом, когда останутся только черные скалы и постоянный блеск не сходящего с неба солнца? Что тогда? Камни и свет. Нет, этого я не хочу. Мне сейчас страшно. Мне необходимо нужен хотя какой-нибудь кончик природы, похожий на человека. Как же быть тогда? Ах, да очень просто:

Я от дедушки ушел,
я от бабушки ушел.

Мы бежим по лестнице с моим волшебным колобком вниз.

– Стук, стук! Есть ли кто тут жив человек?

Марья Моревна сидит за столиком, перебирает ниточки, пристукивает. Одна.

– Здравствуй, Марья Моревна, как тебя зовут?

– Машей!

– Так и зовут?

Царевна смеется.

Ах, эти веселые белые зубы!

– Чайку хочешь?

– Налей.

Возле меня за лавкой в стене какое-то отверстие, можно руку просунуть, закрывается плотно деревянной втулкой. Так в старину по всей Руси подавали милостыню.

– Как это называется? – спрашиваю я о какой-то части станка.

– Это ставило, это набилки, бобушки, бердо, разлучница, приставница, пришвица.

Я спрашиваю обо всем в избе, мне все нужно знать, и как же иначе начать разговор с прекрасной царевной? Мы все пересчитываем, все записываем, знакомимся, сближаемся и смолкаем.

Пылает знаменитая русская печь, огромная, теплая. Но без нее невозможна русская сказка. Вот гладкая лежанка, откуда свалился старик и попал в бочку со смолой. Вот огромное горло, куда бросили злую колдунью. Вот подпечье, откуда выбежала к красной девице мышка.

– Спасибо тебе, Маша, что чаем напоила, я тебе за это Иванушку посватаю.

Горят щеки царевны ярче пламени в печи, сердитая, бросает гордо:

– Изба низка! Есть и получше, да не иду.

«Врет все, – думаю я, – а сама рада».

Мы еще на ступеньку ближе с царевной. Ей будто хочется мне что-то сказать, но не может. Долго копается у стенки, наконец подходит, садится рядом. Она осматривает упорно мои сапоги, потом куртку, останавливается глазами на моей голове и говорит ласково:

– Какой ты черный!

– Не подъезжай, не подъезжай, – отвечаю я, – сосватаю и так Иванушку.

Она меня не понимает. Она просто по дружбе подседа, а я уже вижу корыстную цель. Она меня не понимает и не слушает. Да и зачем это? Разве все эти вещи – карандаш в оправе, записная книжка, часы, фотографический аппарат – не говорят больше всяких слов об интересном госте? Я снимаю с нее фотографию, и мы становимся близкими друзьями.

– Поедем семгу ловить, – предлагает она мне совсем уже попросту.

– Поедем.

На берегу мы возимся с лодкой; откуда-то является на помощь Иванушка и тоже едет с нами. Я становлюсь в романе третьим лицом. Иванушка хочет что-то сказать царевне, но она тактична; она искоса взглядывает на меня и отвечает ему презрительно:

– Губ не мочи, говорить не хочу.

Тогда начинается разговор о семге, – как в гостиной о предметах искусства.

– Семга, видишь ли, – говорит мне Иванушка, – идет с лета. Человек ходит по свету, а семга по месяцу. Вот ей на пути и ставим тайник, ловушку.

Мне тут же и показывают этот тайник: несколько сетей, сшитых так, чтобы семга могла войти в них, а уйти не могла. Мы ставим лодку возле ловушки и глядим в воду, ждем рыбу. Хорошо, что тут роман, а вот если бы так сидеть одному и

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
покачиваться в лодке?

– Другой раз и неделю просидишь, – угадывает меня Иванушка, – две, и месяц. ничего. А придет час удачи – за все ответит.

Подальше от нас покачивается еще такая же лодка, дальше – еще и еще. И так сидят недели, месяцы, с весны до зимы, стерегут, как бы не ушла из тайника семга. Нет, я бы не мог. Но вот если слушать прибой, или передавать на полотно эти северные краски, – не тоны, полутоны, а может быть, десятые тонов. Как груба, как подчеркнута наша южная природа сравнительно с этой северной интимной красотой!

Я замечтался и, наверно, пропустил бы семгу, если бы был рыбаком Марья Моревна довольно сильно толкнула меня в бок кулаком.

– Семга, семга! – тихо шепчет она.

– Перо сушит, – отвечает Иванушка.

Это значит, что рыба давно уже попалась и поднялась теперь наверх, показывает перо (плавник) из воды.

Мы поднимаем сеть и вместо дорогой семги вытаскиваем морскую свинку, совсем ненужную.

Жених с невестой заливаются смехом.

Вышел веселый анекдот:

– Семга, семга, а ин свинка!

Не знаю, сколько бы продолжалась наша пастораль на море, как вдруг произошло крупнейшее событие.

Прежде всего я заметил, что к кучке рыбаков на берегу подошла другая кучка, потом третья, потом собралась вся деревня, даже женки и ребятишки; под конец и оба смешных старика бросили клубки на землю и стали у края толпы. Дальше поднялись невероятный шум, крик, брань.

Я видел с воды, как из толпы там и тут выскакивала жидкая борода Кощей Бессмертного, будто он был дирижером этого концерта на берегу Белого моря.

Мало-помалу все улеглось. От толпы отделились десять седых мудрых старцев и направились к дому Кощей. Остальные опять уселись по своим местам на песок. Сам Кощей подошел к берегу и закричал нам:

– Гребите сюда, Ма-аша!

Я беру на руки морскую свинку, Иванушка садится, а Марья Моревна гребет.

– Старики с тобой поговорить хотят, господин, – встретил нас Кощей.

– Что-то недоброе, что-то недоброе! – шепнул мне волшебный колобок.

Мы входим в избу. Мудрецы встают с лавок, торжественно приветствуют.

– Что такое? Что вы? – спрашиваю я глазами.

Но они смеются моей свинке, приговаривают:

– Семга, семга, а ин свинка!

Вспоминают, как одному попал в тайник морской заяц, другому – нерпа, третий вытащил то, что ни на что не похоже.

Так долго продолжался оживленный, но искусственный разговор. Наконец все смолкает, и только один, ближайший ко мне, как отставший гусь, повторяет: «Семга, семга, а ин свинка».

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Но в чем же дело? Что вам нужно? – не выдерживаю я этого тягостного молчания.

Мне отвечает самый старый, самый мудрый:

– Тут приходил человек из Дуракова.

– Алексей, – говорю я и мгновенно вспоминаю, как он сделал меня у бабушки генералом. Верно, и тут что-нибудь в этом роде. Прощай, мои сказки!

– Алексей? – спрашиваю я.

– Алексей, Алексей, – отвечают разом все десять. А самый мудрый, седой, продолжает:

– Алексей сказывал: едет от государя императора член Государственной думы море делить в Дураково. Кланяемся тебе, ваше превосходительство, прими от нас семушку!

Старик подносит мне огромную, пудовую семгу. Я отказываюсь принять и, потерявшись, извиняюсь тем, что у меня на руках уже есть свинка.

– Брось ты эту дрянь, на что она тебе? Вот какую рыбку мы тебе изловили.

Другой старик вынимает из-за пазухи бумагу и подает. Я читаю:

«Члену Государственной думы по фотографическому отделению.

Прощение.

Население умножилось, а море по-старому, сделай милость, житья нет, раздели нам море.»

Что такое? Глазам не верю. И вдруг вспоминаю, что где-то на станции мы брали обывательских лошадей, и я расписывался: «От географического общества». Потом – фотографический аппарат. И вот я стал членом Думы по фотографическому отделу. Я припоминаю, что Алексей мне говорил о каких-то двух враждебных деревнях, где не хватает хоть какого-нибудь начальства, чтобы кончить вражду.

И у меня мелькает мысль: а почему бы и не разделить мне этим людям море?

– Хорошо, – говорю я старцам, – хорошо, друзья, я разделю вам море.

Мне нужен точный подсчет экономического положения деревни. Я беру записную книжку, карандаш и начинаю с земледелия как основы экономической жизни народа.

– Что вы сеете здесь, старички?

– Сеем, батюшка, все, да не родится ничего.

Я так и записываю. Потом спрашиваю о потребностях и узнаю, что на среднее семейство в шесть душ нужно двенадцать кулей муки. Узнаю, что, кроме необходимых потребностей, существуют роскоши, что едят калачи, по праздникам щелкают орехи и очень любят кисель из белой муки.

– Откуда же вы берете на это деньги?

– А вот, поди знай, откуда взять! – ответили все десять.

Но я все-таки узнаю: деньги получают от продажи зверей, наваги, сельди и семги.

Узнаю, что все эти промыслы ничтожны и случайны, кроме семги.

– Стало быть, кормит вас семга?

– Она, матушка. Сделай милость, раздели!

– Хорошо, – говорю я. – Теперь к разделу. Сколько у вас душ?

Старцы ответили. Я записал.

– С женками?

– Нет. Женские души не считаются, тех хоть сколько ни будь.

Потом я узнаю, что берег моря принадлежит деревне в одну сторону на двадцать верст, в другую – на восемь, что на каждой версте находится тоня. Я записываю названия тоней: Баклан, Волчок, Солдат. Узнаю своеобразные способы раздела этих тонь на жребии и число тонь крестьянских, архиерейских, Сийского, Никольского и Холмогорского монастырей.

Точно таким же образом узнаю положение соседней деревни Дураково. Но претензий старцев на тони этой, еще более бедной деревни понять не могу.

– Почтенные, мудрые старцы, – наконец говорю я. – Без соседей я море делить вам не буду: пошлите немедленно Иванушку за представителями.

Старцы молчат, гладят бороды.

– Да зачем нам дураковцы?

– Как зачем? Море делить!

– Так не с ними делить! – кричат все вместе. – Дураковцы нас не обижают. Это их с Золотицей делить, только не нас. Нас с монахами делить. А дураковцы ничего. тех с Золотицей. Монахи самые лучшие тони отобрали.

– Как же они смели? По какому праву?

– Права у них, батюшка, давние, еще со времени Марфы Посадницы.

– И вы их уважаете. Эти права?

Старцы чешутся, поглаживают бороды; очевидно, уважают.

– Раз у монахов такие стародавние права, как же могу я вас с ними делить?

– А мы, ваше превосходительство, думали, что как ты от Государственной думы, так отчего бы тебе этих монахов не согнать?

До этих слов я все еще надеюсь, все еще думаю выискать в своей записной книжке яркую страницу с цифрами и разделить море и соединить поэзию, науку и жизнь. Но вот это роковое слово: «согнать». Просто и ясно, – я здесь генерал или член Государственной думы: почему бы не согнать этих монахов, зачем им семга? Я – враг этих длинных рыб на архиерейском столе. Согнать! Но я не могу. Мне кажется, будто я вошел, как морская свинка, в тайник и, куда ни сунусь, встречаю крепкие веревки. Я еще механически перебираю в голове число душ, уловов, но все больше и больше запутываюсь.

«Семга, семга, – думают старцы, – а ин свинка!»

А в углу-то сверкают белые зубы Марьи Моревны, и, боже мой, как заливается смехом мой волшебный колобок!

«СОЛНЕЧНЫЕ НОЧИ»

Чем дальше от Соловецких островов, тем больше море покрывается дикими скалами, то голыми, то заросшими лесом. Это Карелия, – та самая Калевала, которую и теперь еще воспевают народные рапсоды в карельских деревнях. Показываются горы Лапландии, той мрачной Похиолы, где чуть не погибли герои Калевалы.

Кольский полуостров – это единственный угол Европы, до XX века почти не исследованный. Лопари – забытое всем культурным миром племя, о котором не так давно (в конце XVIII столетия) и в Европе рассказывали самые страшные сказки. Ученым приходилось опровергать общее мнение о том, что тело лопарей покрыто космами, жесткими волосами, что они одноглазые, что они со своими оленями переносятся с места на место, как облака. С полной уверенностью и до сих пор не

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
могут сказать, какое это племя. Вероятно, финское.

Переход от Кандалакши до Колы, который мне придется совершить, довольно длинный: двести тридцать верст пешком и частью на лодке. Путь лежит по лесам, по горным озерам, по той части русской Лапландии, которая почти прилегает к северной Норвегии и пересекается отрогами Скандинавского хребта, высокими Хибинскими горами, покрытыми снегом. Мне рассказывают в пути, что рыбы и птицы там непочатый край, что там, где я пойду, лопари живут охотой на диких оленей, медведей, куниц.

Меня охватывает настоящий охотничий трепет от этих рассказов; больше, – мне кажется, что я превратился в того мальчугана, который убежал в неведомую прекрасную страну.

Страна без имени! Вот куда мы хотели убежать в далеком нашем детстве. Мы называли ее то Азией, то Африкой, то Америкой. Но в ней не было границ; она начиналась от того леса, который виднелся из окна классной комнаты. И мы туда убежали. После долгих скитаний нас поймали, как маленьких лесных бродяг, и заперли. Наказывали, убеждали, смеялись, употребляли все силы доказать, что нет такой страны. Но вот теперь у каменных стен со старинными соснами, возле этой дикой Лапландии я со всей горечью души чувствую, как неправы были эти взрослые люди.

Страна, которую ищут дети, есть.

Так везде, но в дороге особенно ясно: стоит направить свое внимание и волю к определенной цели, как сейчас же появляются помощники.

В виду Лапландии я стараюсь восстановить то, что знаю о ней. Сейчас же мне помогают местные люди: священник, пробывший среди лопарей двадцать лет, купец, скупавший у них меха, помор и бывалый странствующий армянин. Все выкладывают мне все, что знают. Я спрашиваю, что придет в голову. Припоминается длинный и смешной спор ученых: белые лопари или черные? Один путешественник увидит брюнетов и назовет всех лопарей черными, другой – блондинов и назовет всех белыми.

«Почему они, – думаю я, – не спрашивают местных людей, из соседней народности? Попробовать этот метод».

– Черные они или белые? – спрашиваю я помора.

Он смеется. Станный вопрос! Всю жизнь видел лопарей, а сказать не может, какие они.

– Да они же всякие бывают, – отвечает он, наконец, – как и мы. И лицом к нам ближе. Вот ненцы, те не такие; у них между глазами широко. А у лопарей лицо вострое.

Потом он говорит про то, что женки у них маленькие. Рассказывает про жизнь их.

– Жизнь! Лопская жизнь! Лопские порядки маленькие, у них все с собой: олень да собака, да рыбки поймают. Сколотит вежу, затопит камелек, повесит котелок, вот и вся жизнь.

– Не может быть, – смеюсь я помору, – чтобы у людей жизнь была лишь в еде да в оленях. Любят, имеют семью, поют песни.

Помор подхватывает:

– Какие песни у лопина! Они – что работают, на чем ездят, то и поют. Был ли то олень – поют, какой олень, невеста – так в каком платье. Вот мы теперь едем, он и запоет: «Едем, едем».

Опросив помора, я принимаюсь за священника.

– Лопари, – говорит он, – уноровчивы.

– Что это?

– Норов хороший. Придешь к ним, сейчас это и так и так усаживают. И семью очень любят, детей. Детями, так что можно сказать, тешатся. Уноровчивые люди. Но только робки и пугливы. В глаза прямо не смотрят. Чуть стукнешь веслом, сейчас уши наострят. Да и места-то какие: пустыня, тишь.

Лапландия находится за Полярным кругом; летом там солнце не заходит, а зимой не восходит, и во тьме сверкают полярные огни. Не оттого ли и люди там пугаются? Я еще не испытывал настоящих солнечных ночей, но и то от беломорских белых ночей уже чувствую себя другим: то взвинченным, то усталым. Я замечаю, что все живет здесь иначе. У растений такой напряженный зеленый цвет: ведь они совсем не отдыхают, молоточки света стучат в зеленые листья и день и ночь. Вероятно, то же и у животных и у людей. Этот священник, как он себя чувствует?

– Ничего, ничего, – отвечает он, – это привычка. И не замечаем.

– Вы как? – спрашиваю я купца.

– Тоже ничего. Вот только говорят, будто подрядчик один нанял рабочих на юге от солнца до солнца.

Все хохочут: помор, купец, священник, армянин.

– Не верьте никому про полуночное солнце, – говорит мне странствующий армянин. – Никакого этого солнца нету.

– Как нету?

– Какое там полуночное солнце! Солнце и солнце, как и у нас, на Кавказе.

«КАНДАЛАКША»

Я за Полярным кругом. Если взойти на Крестовую гору, то можно видеть полуночное солнце; но мне нельзя устать, – утром я выйду в Лапландию: из двухсот тридцати верст расстояния от Кандалакши до Колы значительную часть придется пройти пешком.

Как странно то, что я теперь в Лапландии, а в этой русско-карельской деревушке нет ни одного кочевника. И тем загадочнее кажется этот мой путь через горную Лапландию. В Кандалакше ни одного лопаря, ни одного оленя. Кажется, я в дверях панорамы: за спиной улицы, но вот я сейчас возьму билет, подойду к стеклу и увижу совсем другой, не похожий на наш, мир.

Хозяин-помор помогает мне набивать патроны на куропаток и глухарей. Несколько штук мы заряжаем пулями на случай встречи с медведем и диким оленем.

«РЕКА НИВА»

Из недр Лапландии, из большого горного озера Имандра в Кандалакшу сплошным водопадом в тридцать верст длиною несется река Нива. Путь для пешеходов лежит возле реки в лесу. Другой, строящийся путь для экипажей, проходит в стороне от реки. Некоторое время мы с проводником идем по этой второй дороге. Потом я ухожу от него к Ниве поискать там птиц. Мы расстались, и лес обступил меня, молчаливый, чужой. Какой бы ни был спутник, все-таки он говорит, улыбается, кряхтит. Но вот он ушел, и вместо него начинает говорить и это пустынное, безлюдное место. Ни одного звука, ни одной птицы, ни малейшего шелеста, даже шаги не слышны на мягком мху. И все-таки что-то говорит. Пустыня говорит.

Так я иду и, наконец, слышу шум, будто от поезда, невольно ожидаю, что свисток прорежет тишину. Это Нива шумит. Она является мне в рамке деревьев, в перспективе старых высоких варак (холмов). Она мне кажется диким, странным ребенком, который почему-то жжет себе руки, выпускает кровь из жил, прыгает с высоких балконов. «Что с ним сделать, с этим ребенком?» – думают круглые, голые головы старцев у реки. И ползут от одной головы к другой серые мысли, просыпающийся в горах туман.

Я иду возле Нивы в лесу, иногда оглядываюсь назад, когда угадываю, что с какого-нибудь большого камня откроется вид на ряды курящихся холмов и на длинный скат потока, уносящего в Белое море бесчисленные белые кораблики пены.

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Комаров нет. Мне столько говорили о них – и ни одного. Я могу спокойно всматриваться, как ели и сосны у подножья холмов сговариваются бежать наверх, как они бегут на горы. Вот-вот возьмут приступом гору. Но почему-то неизменно у самой верхушки мельчают, хиреют и все до одной погибают.

Бывает так, что, когда я так стою, вдруг из-под ног вылетает с криком птица. Это обыкновенная куропатка, обыкновенный крик ее. Но тут, в тишине незнакомого леса, при неровном говоре реки-водопада я слышу в ее крике дикий смех. Я стреляю в это желто-белое пятно, как в сказочную колдунью, и часто убиваю.

Иду все вперед и вперед.

Вдруг со страшным треском прямо из-под моих ног вылетает глухарь, и сейчас же – другой.

Эта птица для меня всегда была загадочной и недоступной. Раз, давно, я помню ночь в лесу в ожидании этого царя северных лесов. Помню, как, в ожидании песни, просыпались болота, сосны и как потом в низине, на маленьком чахлам деревце птица веером раскинула хвост, будто боролась за темную ночь в ожидании восходящего солнца. Я подошел к ней близко, почти по грудь в холодной весенней воде. Что-то помешало, и птица улетела. С тех пор я больше не видел глухаря, но сохранил о нем воспоминание, как о каком-то одиноком, таинственном гении ночи. Теперь две громадные птицы взлетели из-под ног при полном солнечном свете. Я прихожу в себя только после того, как птицы исчезают за поворотом реки, у высокой сосны. Они там, вероятно, сели на траву, успокоятся немного и выйдут к реке пить воду.

Изгибаюсь, перескакиваю с кочки на кочку, зорко гляжу на сухие сучки под ногами. Сейчас, когда я вспоминаю об этом, я чувствую во рту почему-то вкус хвои, запах ее и запах сосновой коры. И неловкость в локтях. Почему? Да вот почему? Сосны куда-то исчезли, и я уже не иду, а ползу по каким-то колючим и острым препятствиям к намеченному дереву. Я доползаю, протягиваю ружье вперед, взвожу курок и медленно поднимаю голову.

Реки нет, птиц нет, леса нет, но зато перед глазами такой покой, такой отдых! Я забываю о птицах, я понимаю, что это совсем не то. Я не говорю себе «Это Имандра, горное озеро». Нет, я только пью это вечное спокойствие. Может быть, и шумит еще Нива, но я не слышу.

Имандра – это мать, молодая, спокойная. Быть может, и я когда-нибудь здесь родился, у этого пустынного спокойного озера, окруженного чуть видными черными горами с белыми пятнами. Я знаю, что озеро высоко над землей, что тут теперь солнце не сходит с неба, что все здесь прозрачно и чисто, и все это потому, что очень высоко над землей, почти на небе.

Никаких птиц нет. Это лапландские чародеи сделали так, чтобы показать свою мрачную Похиолу с прекрасной стороны.

На берегу с песка поднимается струйка дыма. Возле нее несколько неподвижных фигур. Это, конечно, люди: звери не разводят же огня. Это люди; они не уйдут в воду, если к ним подойти. Я приближаюсь к ним, неслышно ступая по мягкому песку. Вижу ясно: котелок висит на рогатке, вокруг него несколько мужчин и женщин. Теперь мне ясно, что это люди, вероятно лопари; но так непривычна эта светлая прозрачность и тишина, что все кажется, если сильно и неожиданно крикнуть, то эти люди непременно исчезнут или уйдут в воду.

– Здравствуйте!

Все повертывают ко мне головы, как стадо в лесу, когда к нему подходит чужая собака, похожая на волка.

Я разглядываю их: маленький старичок, совсем лысый, старуха с длинным острым лицом, еще женщина с ребенком, молоденькая девушка кривым финским ножом чистит рыбу, и двое мужчин, такие же, как русские поморы.

– Здравствуйте!

Мне отвечают на чистом русском языке.

- Да вы русские?
- Нет, мы лопари.
- А рыбки можно у вас достать?
- Рыбка будет.

Старик встает. Он совсем маленький карлик, с длинным туловищем и кривыми ногами. Встают и другие мужчины, повыше ростом, но также с кривыми ногами.

Идут ловить рыбу. Я – за ними.

Такой прозрачной воды я никогда не видал. Кажется, что она должна быть совсем легкой, невесомой. Не могу удержаться, чтобы не попробовать: холодная, как лед. Всего две недели, говорят мне, как Имандра освободилась ото льда. Холодная вода и потому, что с гор – налево горы Чуна-тундра, направо чуть видны хибинские – непрерывно все лето стекает тающий снег.

Мы скользим на лодке по прозрачной воде в прозрачном воздухе. Лопари молчат. Надо с ними заговорить.

- Какая погодка хорошая!
- Да, погоды хорошие!

И опять молчат. Хорошая погода, но какая-то странная. словно это первый день после какого-то всемирного потопа, когда только начала сбывать вода. Вся земля там, внизу, залита водой; остались только эти черные верхушки гор с белыми пятнами. Все успокоилось, потому что все умерло. Наша лодка скользит в тишине. Вода, небо, кончики гор.

Достаю мелкую монету и пускаю в воду. Она превращается в зеленый светящийся листик и начинает там порхать из стороны в сторону. Потом дальше, в глубине она светится изумрудным светом и не исчезает; ее зеленый глазок смотрит оттуда, из затопленных садов и лесов, сюда наверх, в страну незаходящего солнца.

Как бы хорошо с высоты спуститься туда, куда-нибудь вниз, в густую перепутанную траву между яблонями, в темную-темную ночь.

- Поуч-пуч! – вдруг говорит старик гребцу.
- Что это значит?
- Это значит: поскорей ехать.

И сейчас же еще:

- Сег-сег!

Это значит: ехать тише.

Мы у продольника, которым ловят рыбу, и теперь начинаем его осматривать. Это длинная веревка, опущенная на дно, со множеством крючков. Один лопарь гребет, а другой выбирает веревку с крючками и все приговаривает свое: «Пуч-пуч! Сег-сег!»

В этом горном озере за Полярным кругом должна водиться какая-нибудь особенная рыба. Я, как многие охотники с ружьем, не очень люблю рыбную ловлю, но здесь с нетерпением жду результата. Долго приходят только пустые крючки. Наконец что-то зеленое, совсем как моя монета, светится в глубине и то расширится до огромных размеров, то сузится в ленту.

- Пуч-пуч! – кричу я радостно.

Все смеются. Это вовсе не рыба, а кусочек белой «наживки» на крючке.

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Сег-сег! – печалюсь я.

И опять все смеются.

Теперь я понимаю, в чем дело, принимаю команду на себя и повторяю: «Поуч-поуч! Сег-сег!»

Лопари радуются, как дети, – верно, им скучно молчать на этом пустынном озере.

Потом мы вытаскиваем одну за другой серебристых больших рыб.

Голец – род форели, обитатель полярных вод.

Кумжа – почти такая же, как семга.

Паляя.

Все редкие, дорогие рыбы.

– А как эта называется. Сиг?

Старик молчит, хмурится, чем-то напуган, оглядывает нас.

– Поуч-поуч! – говорю я.

Но мое средство не действует. Испуганный старик отрывает себе пуговицу, привязывает к сигу, пускает в воду и что-то шепчет.

Что бы это значило?

Лопарь молчит. Темная спина рыбы быстро исчезает в воде, но пуговица долго порхает внизу, как светлая изумрудная бабочка.

Что бы это значило? Вот она, Похиола, страна чародеев и карликов. Начинается!

Только после двух-трех десятков драгоценной форели и кумжи устанавливаются у нас прежние добрые отношения. Покончив с осмотром перемета, мы плывем обратно к берегу, где виднеется дымок от костра.

Подъезжаем. Те же самые люди, в совершенно таких же позах сидят, не шевелятся: даже котелок по-прежнему висит на рогатке. Что же это они делали целых два часа? Осматриваю: у девушки на коленях нет рыбы. Значит, за это время они съели рыбу и теперь, насытившись, по-прежнему смотрят на пустынную Имандру.

– Поуч-поуч! – приветствую я их.

Все смеются. Как просто острить в Лапландии!

Теперь варить уху из форели. Вот она, вот она жизнь с котелком у костра! Вот она, дивная свободная жизнь, которую мы искали детьми! Но теперь еще лучше, теперь я все замечаю, думаю. И хорошо же на Имандре, в ожидании ухи из форели!

Я достаю из котомки свой котелок. Это обыкновенный синий эмалевый котелок. Но какой эффект! Все встают с места, окружают мой котелок и быстро говорят по-своему о нем. Потом, пока девушка кривым ножом чистит для меня рыбу, все по-прежнему усаживаются вокруг костра. Котелок переходит от одного к другому, как дивная, невиданная вещь. Но у меня еще есть карандаш в оправе, складная чернильница, нож и английские удочки-блесны на всякую рыбу. Вещи переходят от одного к другому. Когда кто-нибудь долго задерживает, я говорю: «Поуч». Тогда все смеются, и вещь быстро совершает полный оборот вокруг костра с котелком. Это что-то вроде игры в веревочку, но только в Лапландии, на берегу Имандры.

Если не забыть с собою лаврового листа и перцу, то уха из форели в Лапландии глубоко, бесконечно вкусная. Я ем, а молодая лапландка-хозяйка указывает мне на розовые и желтые куски рыбы в котелке и угощает:

– Волочи, волочи, ешь!

«ПО ИМАНДРЕ»

Путь по Лапландии от Кандалакши до Колы остался тот же, как во времена новгородской колонизации. Совершенно так же шли и новгородцы на Мурман и до последнего времени – рыбаки-покрученники из Поморья.

Теперь в разных местах пути выстроены избы, станции; возле каждой станции живет группа лопарей и занимается частью охотой на диких оленей в Хибинских горах, частью рыбной ловлей в озерах и немного оленеводством.

«Как бы провести тут время по-своему? Проехать этот путь и познакомиться немного с жизнью людей, с природой. Не пуститься ли через Хибинские горы к оленеводам? Там поселиться на время в веже».

Мы долго совещаемся об этом со стариком Василием, почти решаем уже отправиться через Хибинские горы, но сын его не советует. Лопари перекочевали оттуда, и мы можем напрасно потерять неделю. Мало-помалу складывается такой план. Мы поедem на Олений остров по Имандре; там живет другой сын Василия, стережет его оленей; там поживем немного и отправимся в Хибинские горы на охоту.

Ветер дует нам походный. Зачем бы ехать со мной всему семейству, – лишний проводник стоит денег? Я советую старику остаться. Он упрасивает меня взять его с собой.

– Денег, – говорит он, – можно и не взять, а вместе веселее.

Как это странно звучит! Вот уже сколько я еду, и ни разу не слышал этого.

Мы едем все вместе. Двое гребут. Ветер слегка помогает. Лодка слегка покачивается. Передо мной на лавочке сидят женщины: старуха и дочь ее. Лица их совсем не русские. Если бы можно так просто решать этнографические вопросы, то я сказал бы, что старуха – еврейка, а дочь – японка маленькая, смуглая, со скошенным прорезом глаз. Черные глаза смотрят загадочно и упорно: моргнут, словно насильно, и опять смотрят, и смотрят долго, пока не устанут и снова моргнут. На голове у нее лапландский шамшир, похожий на шлем Афины-Паллады, красный. Мы едем как раз против солнца; лодку слегка покачивает, и я вижу, как блестящий странный убор девушки меняется с солнцем местами. Это – дочь Похиолы, за которой шли сюда герои Калевалы.

Немного неприятно, когда смотрят в глаза и ничего не говорят. Я замечаю на уборе девушки несколько жемчужин. Откуда они здесь? Приглядываюсь, трогаю пальцем.

– Жемчуг! Откуда у вас жемчуг?

– Набрала в ручье, – отвечает за нее отец. – У нас есть жемчужины по сто рублей штука.

– И платят?

– Нет, не платят, а только так говорят.

– Какой прекрасный жемчуг! – говорю я девушке, похожей на дочь Похиолы. – Как вы его достаете?

Вместо ответа она достает из кармана грязную бумажку и подает.

Развертываю несколько крупных жемчужин. Я их беру на ладонь, купаю в Имандре, завертываю в чистый листок из записной книжки и подаю обратно.

– Благодарю. Хороший жемчуг.

– Не надо. тебе.

– Как!

Боязливо гляжу на старуху, но она важно и утвердительно кивает головой, Василий тоже одобряет. Я принимаю подарок и, выждав некоторое время, service pour service предлагаю девушке превосходную английскую дорожку-блесну. Девушка сияет, старуха опять важно кивает головой. Василий тоже. Имандра смеется. Мы спускаем

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
обе дорожки в воду; я – с одной стороны, а дочь Похиолы – с другой, и ожидаем рыбу. Все говорят, что тут рыбное место и непременно должна пойматься.

Скоро показывается лесистый берег; мы едем вдоль него, и лопари, ознакомившись со мною, не стесняясь непрерывно что-то болтают на своем языке. Время от времени я перебиваю их и спрашиваю, о чем они говорят. Они говорят то о круглой вараче на берегу, то о впадине со снегами на горах, то о сухой сосне, то о большом камне. Там был убит дикий олень, там на дереве было подвешено его мясо, там нашли свою важенку с телятами. Это так, как мы, идя по улице, разговариваем о знакомых домах, ресторанах, о лицах, которые почему-то непременно встречаются всегда на одном и том же месте. Им все здесь известно, все разнообразно; но я схватываю только величественные контуры гор, только длинную стену лесов и необозримую гладь озера.

Мне некогда разглядывать мелочи. Внимание поглощено всесторонне. Нужно держать наготове бечеву, потому что при малейшем толчке я должен ее пустить и задержать лодку, иначе рыба оборвет якорек. Нужно фотографировать, нужно спрашивать у лопарей разные названия и записывать; нужно держать ружье наготове: мало ли что может выйти из леса к воде!

Вдруг на носу лодки у лопарей необычайное волнение: говорят шепотом, берутся за ружья, указывают мне на белый клочок снега далеко впереди, у самого берега. Дикий олень!

Я поскорее свертываю бечеву, вглядываюсь, замечаю движения белой точки. Немного поближе – и разбираю: белый олень с недоразвитыми рогами. Василий долго прицеливается из своей берданки и вдруг опускает ружье, не выстрелив. У него явилось подозрение, что это кормной (ручной) олень. Если бы подальше, в горах, признался он мне, то ничего, можно и кормного за дикого убить, а тут нельзя: тут сейчас узнают, чей олень, – по метке на ухе. Мы подъезжаем ближе; олень не бежит и даже подступает к берегу. Еще поближе – и все смеются, радуются: олень свой собственный. Это один из тех оленей, которых Василий пустил в тундру, потому что на острове мало ягеля (олений мох). Я приготавливаю фотографический аппарат и снимаю белого оленя на берегу Имандры, окруженного елями и соснами.

Сняв фотографию, я прошу подвести меня к оленю. Но вдруг он поворачивается своим маленьким хвостом, перепутывает свой пучок сучьев на голове с ветвями лапландских елей, бежит, пружинится на мху, как на рессорах, исчезает в лесу. Немного спустя мы видим его выше леса, на голой скале, едва заметной точкой.

– Комар обижает! – говорит Василий. – Попил воды и опять бежит наверх, в тундры.

Это происходит где-то около Белой губы Имандры.

Тут мы должны бы и остановиться, дальше меня должны везти другие лопари. Но, выполняя свой план, мы едем немного дальше, на Олений остров. Здесь я опять спускаю в воду дорожку, потому что, как говорит Василий, здесь непременно поймается кумжа.

Спускаю блесну; она вертится, блестит, как рыбка, далеко видна в прозрачной воде Имандры. Спускаю саженой на тридцать; остальная бечева остается смотанной на вертушке, вставленной в отверстие для уключины. Не проходит минуты, сильный толчок вырывает мою бечеву из рук, катушка сразу разматывается.

Я не могу себе представить, чтобы рыба так сильно толкнула, и потому кричу лопарям:

– Стойте, стойте, зацепилось, оборвалось!

– Рыба, рыба, подтягивай! – отвечают они.

Подтягиваю, но там ничего не сопротивляется; очевидно, блесна зацепилась за камень и теперь освободилась.

Я говорю об этом лопарям. И они сомневаются, но все-таки не берутся за весла и смотрят вместе со мной.

Вдруг в десяти шагах от лодки показывается над водой огромный рыбий хвост; от

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
неожиданности он мне кажется не меньше китового. Рыба бунтует и снова уносит всю бечеvu в воду. Большие круги расходятся по Имандре.

– Кумжа, кумжа! – говорят лопари. – Мотай.

И вот опять, как в начале пути при виде глухарей, мое я целиком уходит в глубину природы, быть может, именно в ту страну, которая грезится в детских сновидениях.

Я вожусь с этой рыбой целый час. Борюсь с ней. И час кажется секундой, и секунда – тысячелетием. Наконец я ее подтягиваю к борту, вижу ее длинную черную спину. Как теперь быть, как вытащить? Пока я раздумываю, лапландка вынимает из-за пояса нож, ударяет им рыбу и, громадную, серебряную, обеими руками втаскивает в лодку.

Капельки крови на живой убитой твари меня часто беспокоят и, бывает, портят охоту. Но тут я не замечаю этого: я владею рыбой и счастлив обладанием.

Мне так хочется узнать, сколько в ней веса, вкусна ли она, хочется установить ее значение как моей собственности. Кажется, больше пуда весом, а лопари говорят – полпуда. Я спорю. Они соглашаются и смеются.

– А что лучше, – спрашиваю я, – кумжа или семга?

– Какая кумжа, какая семга. Все-таки семга лучше: семга – семга и есть. Ты скажи – кумжа и сиг, вот так.

Тут я вдруг вспомнил о той рыбе, которую старик поймал вначале и привязал к ней пуговицу.

– Какая это рыба?

– Это сиг, – говорит он и тускнеет. – Сиг не может на крючок пойматься, сигов сетью ловят. Отец мой тоже поймал так сига и потонул. А за ним и мать.

– Потонула?

– Нет, так померла.

Мне хочется спросить еще, что значит пуговица, но не решаюсь. Вероятно, жертва водяному.

– Есть водяной царь или нет? – спрашиваю я окольным путем.

– Водяной царь! Как же, есть. Ведь молимся же мы «царь небесный, царь земной».

– И водяной?

– Нет, водяного нет в молитвах, а только есть же царь небесный, царь земной, значит есть и водяной.

Я расспрашиваю Василия дальше о его верованиях, он сказывается убежденным христианином.

– Но где-то и до сих пор, – рассказывает Василий, – верят лопари не в Христа, а в «чудь». Есть высокая гора, откуда они бросают в жертву богу оленей. Есть гора, где живет нойд (колдун), и туда приводят к нему оленей. Там режут их деревянными ножами, а шкуру вешают на жерди. Ветер качает ее, ноги шевелятся. И если есть мох или песочек внизу, то олень как будто идет Василий не раз встречал в горах такого оленя. Совсем как живой! Страшно смотреть. А еще бывает страшней, когда зимой на небе засверкает огонь и раскроются пропасти земные, и из гробов станет выходить чудь.

Василий рассказывает еще много страшного и интересного про чудь.

Рассказывает сказку о том, как лопарь захотел попасть на небо, настругал стружек, покрыл рогожей и сел на нее, поджег костер. Рогожа полетела, и лопарь попал на небо.

Я слушаю приключения лопаря на небе и вдруг понимаю Василия, понимаю, почему он

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
болтлив, почему он хоть и старик, но глаза у него такие легкомысленные.

«ОЛЕНИЙ ОСТРОВ»

Возле берега на Оленьем острове мы испугали глухаря. Я успел его убить. Скорее найди его в траве, скорее подержать в руках!

Выхожу на берег, но меня встречает куча комаров и мошек. Бегом, скорей найди птицу – и в лодку. Но я спотыкаюсь о какие-то сухие сучья, камни, кочки. Комары меня едят, как рой пчел. Мелькает мысль, что и заесть могут, что это дело серьезное. Я поднимаюсь и с позором, без птицы, бегу к лодке. Глухаря достал один из лопарей.

Обогнув остров, мы подъезжаем, наконец, к тому месту, где должна быть вежа (лапландское жилище). Я замечаю их две одна – маленький черный колпачок аршина в два с половиной высоты, другая повыше и подлиннее.

– Одна, – говорит Василий, – для людей, а другая – для оленей. Какая побольше – для оленей, потому и олень побольше человека.

Теперь комары нас преследуют и на воде кажется, все, сколько их есть на острове, устремились к нам в лодку. Истязание так сильно, что я непрерывно отмахиваюсь, уничтожая сотни на своем лице. Я не имею мужества достать на дне моей котомки сетку, «накомарник», которым запасся еще в Кандалакше. Пока я ее нашел бы и приспособил, все равно комары съели бы меня.

А лопари с искусанными в кровь лицами и руками терпеливо и спокойно выносят испытание и даже рассказывают, что за каждого убитого комара до Ильина дня прибавляется решето новых, а после Ильина убавляется – и тоже по одному решету за комара.

Выскакиваю из лодки и стремглав несусь к веже, открываю дверцы и вместо людей вижу в полутемной веже оленьи рога. Я попал в оленью вежу. Звери не боятся. Я разглядываю их. Так понятны здесь эти кривые сучки-рога. Здесь, в Лапландии, столько кривых линий кривые, опущенные вниз сучья елей, кривые сосны, кривые березки, кривые ноги лопарей, башмаки с изогнутыми вверх носками. Тут есть белые, есть серые олени, есть совсем маленькие телята. Вся компания штук в тридцать.

Человеческая вежа – маленькая пирамидка, немного выше меня, из досок, обтянутых оленьими шкурами. Открываю дверцу и влезаю. Дверца с силой, своею тяжестью, захлопывается за мною.

Пока я разглядывал оленей, лопари уже все собрались в вежу, между моими знакомыми спутниками я узнаю еще одного молодого лопаря и женщину. В этой веже они все одинаковы, все сидят на оленьих шкурах у огня с черным котелком. Мне дают место на шкуре, я усаживаюсь, как и они, молчу. Отдыхаю от комаров и дыма. Потом начинаю разглядывать.

Вовсе не так плохо, как описывают. Воздух хороший, вентиляция превосходная. Вот только нельзя встать и необходимо сидеть.

С одной стороны огня я замечаю отгороженное место, покрытое хвоей, там сложены разные хозяйственные принадлежности. Это то самое священное место, через которое не смеет перешагнуть женщина.

Отдохнув немного, старуха принимается щипать глухаря, а остальные все на нее смотрят. Начинаю разговор с кривого башмака Василия. Выспрашиваю названия одежды, утвари и все записываю. На оленях ездят, оленей едят, на их шкуре спят, в их шкуры одеваются. Кочующие лопари.

– Почему вас называют кочующие? – спрашиваю я их.

– А вот потому кочующие, – говорят мне, – что один живет у камня, другой – у Ягельного бора, третий – у Железной вараки. Весной лопарь около рек промышляет семгу, придет Ильин день – переселится на озеро, в сентябре – опять к речкам. Около рождества – в погост, в пырт. Потому кочующие, что лопарь живет по рыбе и по оленю. В жаркое время олень от комара подвигается к океану. Лопарь – за ним.

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Я узнаю тут же, что здесь, у Имандры, живут ненастоящие оленеводы; здесь пускают оленей на волю в горы, а занимаются больше охотой на диких оленей и рыбной ловлей.

Пока хозяйка чистит глухаря и устраивает его в котелке над огнем, мне рассказывают эту охоту на диких оленей, которая, впрочем, скоро совсем исчезнет со света.

Лопарь выходит в горы с собакой и ирвасом – оленьим самцом. В то время года у диких оленей «рехка», особенная жизнь; олень (ирвас) становится страшным зверем: шея у него надувается и делается почти такой же толщины, как туловище. Сильный старый самец собирает себе в лесу стадо важенок, стережет их и не допускает других. Но в лесу за ним следят другие ирвасы. Чуть только он слабеет, другой начинает с ним борьбу. Вот тут-то лопарь идет на охоту. Собака подводит к стаду. Домашний ирвас идет навстречу дикому. Прячась за оленя, лопарь подходит к дикарю, убивает одного и потом стреляет в растерявшееся стадо. Мясо спускается в озеро, «квасится» там, а лопарь идет за другим стадом. Осенью по талому снегу лопарь катит в горы на своих «чунках» и достает из воды мясо.

Пока варятся глухарь и уха, Василий рассказывает мне жизнь лопарей. Другие все слушают внимательно, иногда вставляют замечания. Женщины молчат, скромные и почтенные, как у Гомера, занятые своим делом. Одна следит за ухой и глухарем, другая оленьими жилами шьет каньги (башмаки), третья следит за огнем.

Жизнь охотников рассказана. Теперь смотрят на меня: какова моя жизнь? Но как о ней спросить – этого никто не смеет. У них – охота, олени, лес. Что у меня?

– А есть ли в других державах лес? – слышу я голос с той стороны костра.

– Есть.

– На ужь!

Общий знак удивления, что и у нас есть лес.

Потом другой вопрос: «Есть ли горы?» И опять то же: «На ужь!» Потом разговор, совсем как и в настоящих гостиных, переходит на политику. Знают о Государственной думе, даже выбирали депутата, но только русского, а не лопаря. Я возмущаюсь: русские купцы, которые так безжалостно спаивают и обирают лопарей, представляют лопарей в Думе! Расспрашиваю ближе. Оказывается, кто-то раньше за них уже решил, кого выбрать.

– Пили вы при этом? – спрашиваю я. – Угощали вас?

– Пили, как же. Хорошо выпили, – отвечает Василий с легкомысленным видом. – А вот если бы меня выбрали, – продолжает он, – я бы тихонечко на ушко шепнул бы кому надо, как лопари живут.

– Что бы ты шепнул ему?

– А что вот у нас в озере сигов много: коптить бы их на казенный счет и отправлять в Питер. Да, я бы сумел, что шепнуть!

«Что бы им дать? – думаю я, представляя себя на месте царя, которому шепнул лопарь на ушко. – Христианскую проповедь? Но это уже использовано. Лопари – теперь христиане. Печенегский монастырь богател и разорялся и опять стал богатеть. Но лопари все такие же, и еще беднее, еще несчастнее, потому что русские и зырянские хищники легче могут проникать к христианам, чем к язычникам. Отдать их на волю цивилизации? Построить железную дорогу и дать образование?»

Я вспоминаю о том, что тут предполагалась железная дорога. Но ведь это не для них. При чем тут лопари?

– А как же! – говорит мне Василий. – И лопари тогда поедут в Петербург со своими ситами.

Василий смеется, радуется, как ребенок, этой воображаемой возможности, смеются и другие, даже женщины; радуюсь и я, потому что удовлетворен как гражданин: убиты

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
зараз два зайца. Вот только образование. Но и образование как-нибудь так тоже неожиданно придет.

– А выучить лопаря, – замечает кто-то, – он тоже будет таким.

– Каким? – спрашиваю я.

В ответ на это мне рассказывают легенду об образованном лопаре.

Один лопарь поехал с оленями в Архангельск и потерял там мальчика. Продав оленей, он возвратился в тундру без ребенка. Между тем маленького лопаря нашли, воспитали, образовали; он стал доктором, и есть слух, что где-то хорошо лечит людей.

– Вот и лопарь, – заканчивает рассказчик, – а сделался доктором.

Я заражаюсь настроением лопарей. Под этим деревянным колпачком, с единственным отверстием вверху для дыма, культурный, прогрессивный мир мне вдруг начинает казаться бесконечно прекрасным, просторным и величественным, как небесный свод.

А я – несомненная частица этого мира!

Мне хочется что-нибудь сказать хорошее этим несчастным людям у костра. Что бы сказать?

Что у нас лучше всего? Конечно, звездная летняя ночь.

– У нас, – говорю, – после дня теперь наступает ночь, темная. Зимой же у нас бывает тоже и день и ночь.

Смотрю на часы и говорю еще:

– Сейчас у нас, если погода хорошая, то звезды горят, месяц светит.

Мои слова производят большой эффект. Женщины интересуются одной, не понимающей по-русски, переводят мои слова.

Теперь уже вся «гостиная» занята мной. Все меня теперь долго и подробно разглядывают. Это тот период сближения гостей с хозяевами в провинциальной семье, когда женщины вступают в беседу, когда дети осмеливаются заговорить. Сама почтенная хозяйка начинает беседу:

– Есть у тебя деточки?

– Есть.

– Но! – не доверяет она.

Я подтверждаю и даже описываю, какие они.

– На ужь! – удивляется старуха и переводит своей, не понимающей по-русски соседке.

Все теперь говорят по-лапландски. Мне кажется, что они говорят о том, что вот как это удивительно: такой необыкновенный человек, а тоже может, как и все живые существа, размножаться.

– Что же тут особенного? – вмешиваюсь я, наконец, в непонятный мне разговор. – Вероятно, здесь русские даже женятся на лапландках.

– Нет, нет! – отвечают мне все в один голос. – Какой же русский возьмет лопку! Одно слово, что лопка!

Это совершенно противоположно тому, что я слышал. У меня, наконец, в кармане письмо от одного священника, прожившего двадцать лет в Лапландии, к сыну, женатому на лопарке. На письме даже адрес: «Потомственному почетному гражданину К-у».

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

- Как же так?.. Вот. – говорю я и называю фамилию.
- Так это лопарь. Какой же он русский? – отвечают мне.
- Почетный гражданин, сын священника.
- Это все равно, он лопарь: рыбку ловит, оленей пасет. Он лопарь.

Я теперь понимаю: моя сверхъестественность основана не на внешнем виде, не на костюме, не на образовании, а просто на неизвестных для них занятиях, противоположных их делу. Мне это становится еще более понятным, когда такими же сверхъестественными людьми оказываются и один отставной шкипер и один мелкий телеграфный чиновник. Оба – претенденты на руку Варвары Кобылиной. Про эту невесту мне рассказывали еще на Белом море. Она – дочь богатого лопаря. Живут они в тундре, пасут большое стадо оленей. Отец подыскивает дочке жениха, такого же, как она, лопаря, потому что одному трудно управляться с большим стадом оленей. Тут ему пришлось вместе с дочерью довольно долго быть в Архангельске для продажи оленей. И в это время единственная и любимая дочь лопаря сразу влюбилась в двух русских: в шкипера и в телеграфного чиновника. Были и еще претенденты – тысяча оленей стоит десять тысяч рублей, – но она полюбила только двух. Едва-едва отец увез ее. Теперь плачет, тоскует в тундре, еле жива.

- Ну, мыслимое ли дело лопке замуж за русского выходить? – заговорили все после рассказа, и решительно все согласились.

Разговор о романе в тундре, такой увлекательный для женщин и для меня! Мне хорошо здесь, и будто я не в лопарской семье – в пустыне, а где-нибудь в большом незнакомом городе, в единственном знакомом милом доме.

Хозяйка забывает о глухаре. Но он неожиданно напомнил о себе сам. Его нога приподнимает крышку котелка и сталкивает ее в огонь; вода бежит, шипит. Глухарь поспел.

Это напоминает мне, что в котомке у меня для лопарей припасена водка, и лопари – большие охотники до нее.

- Пьете водку?
- Нет, не пьем.

А глаза просят. Я наливаю стаканчик и подношу, как меня учили, сначала хозяйке. Секунду колеблется для приличия, потом берет рюмку, приветствует меня словами: «Ну, пожелаю быть здоровым», и торжественно выпивает. За ней подряд выпивают все мужчины, и все с одинаковой торжественной миной приветствуют меня: «Ну, пожелаю быть здоровым». Доходит очередь до молоденькой лапландки, похожей на японку. Я вижу, как она мучится, колеблется и с отвращением выпивает глоток. Стаканчик совершает еще оборот вокруг костра и опять останавливается у японки. Она умоляет меня глазами; тоже и мать.

- Значит, не надо? – спрашиваю я.
- Нельзя! – говорит старуха. – Надо выпить: от гостя руки нельзя не принять.
- Вот какой странный обычай! Я не знал. Извини.
- Может быть, и вам не надо? – спрашиваю я почтенную мать.
- Нет, нам надо, – отвечает она и, пожелав мне быть здоровым, выпивает и за дочь и за себя. Немного спустя, когда мы все сидим вокруг досок с глухарем и едим, – кто ножку, кто крылышко, кто что, хозяйка преображается: ее строгое, окаменевшее лицо оживает, глаза бегают, губы вытягиваются.

- Ау-уа-уы-кыть! Уа-уы-уа-кыть!

Я понимаю: это лапландская песня, спеть которую я долго и напрасно просил в лодке. Но это так не похоже на песню: скорее это что-то в чайнике или в котелке урчит и, смешавшись с дымом, уносится в отверстие наверху.

– Уа-уы.

Песня оканчивается неожиданным восклицанием: «Каш-карары!»

Что бы это значило?

Василий охотно переводит:

– Мимо еретицы едет Иван Иванович.

– Как, неужели же и у вас есть Иван Иванович? – сомневаюсь я в верности перевода.

– Везде есть Иван Иванович, – отвечает Василий. – Еван-Евваныльт значит – Иван Иванович. – И продолжает: – Едет Иван Иванович мимо еретицы, мимо страшной еретицы, в Кандалакшу и думает, что она не выскочит. Плывет Иван Иванович, ногами правит, руками гребет, миленькой чулочки везет, белые чулочки, варежки с узорами. А еретица как выскочит и закричит: «Иван Иванович, Иван Иванович, кашкиш-карары!»

– Что же с Иваном Ивановичем стало?

– Ничего. На этом песня кончается.

После домашнего концерта доска очищается от пищи, и на ней появляется засаленная колода карт. Сдают всем по пяти.

– Не «дурачки» ли это?

– «Дурачки».

– Так сдавайте же и мне!

Мне с удовольствием сдают; я играю рассеянно и остаюсь дураком.

Такого эффекта, такого взрыва смеха я давно-давно не слышал. Смеется Василий, смеются женщины, смеются все лопари, а старуха долго не может сдать карт; только начнет, посмотрит на меня и ляжет вместе с картами на доску.

Удивительное счастье остаться дурачком в Лапландии! Вообще им быть нехорошо. но тут! Я пытаюсь еще раз остаться, но ничего не выходит, и сколько я потом ни стараюсь, все не могу, все находится кто-нибудь глупее меня.

За игрой в «дурачки» забываю о главном своем интересе в Лапландии: увидеть полуночное солнце. Мне напоминают о нем несколько капель дождя, пролетевших в отверстие нашей вежи.

– Дождь, – говорю я. – Опять не видать мне полуночного солнца!

– Дождь, дождь! – отвечают лопари. – Скорей куваксу строить!

Кува – это особая походная вежа, палатка. Ее можно сделать из паруса. Василий уже давно мне говорил про нее и обещал, что спать я на острове буду лучше, чем дома, и он знает такое средство, что ни один комар не посмеет пролезть в мою куваксу.

Через несколько минут палатка готова, – маленькая такая, чтобы лечь одному. Я устраиваюсь на теплых оленьих шкурах, покрываюсь простыней и шкурой. Славно. Тепло. Хорошо дышится. Я начинаю раздумывать о своих впечатлениях, выискивать связь между ними. Какой-то странный запах, похожий не то на запах курительной бумаги, не то угара, не то тлеющей ваты, перебивает мои мысли. Что бы это значило? Запах сильнее и сильнее, дым ест глаза. Вскакиваю, оглядываю палатку и замечаю в углу ее черный дымящийся котелок. Несколько гнилушек или сухих грибов курятся и наполняют палатку этим едким дымом. Я понимаю: это сюрприз Василия, это выполнение обещания, что ни один комар не заберется ко мне. Не решаюсь выставить котелок на дождь и тем обидеть любезного хозяина. Высовываю для разведки голову. Какие теперь комары? Дождь. Олени один за другим выходят из своей вежи к лесу.

Они заполняют весь треугольник между моей, лопарской и своей вежами, пробуют пощипать траву, но ничего не находят и один за другим исчезают в лесу. Теперь я выставляю котелок на дождь, опять устраиваюсь, слушаю, как барабанят капли по палатке, слушаю взрывы веселого детского смеха из лопарской вежи. Все еще играют в «дурачки».

Так странно думать, что вот почти на краю света эти забытые всем миром люди могут смеяться таким невинным, детским смехом.

«ХИБИНСКИЕ ГОРЫ»

– Вставайте! – бужу я лопарей. – Вставайте!

Но они спят, как убитые, все в одной веже.

В ответ мне из-под склонившихся к земле лап ближайшей ели показывается лысая голова карлика.

– Василий, это ты? Как ты здесь?

Старик спал ночь под еловым шатром. Там сухо, совсем как в веже. Лапландские ели часто имеют форму вежи. Вероятно, они опускают вниз свои лапы для лучшей защиты от холодных океанских ветров.

Пока разводят костер, греют чайник и варят уху, закусывают, собираются, – проходит много времени; наступает уже день, начинают кусать комары; возвращаются олени; солнце греет. Но и день здесь ненастоящий: солнце не приносит с собой звуков в природу, сверкает даже слишком ярко, но холодно и остро, и зелень эта какая-то слишком густая, неестественная. День не настоящий, а какой-то хрустальный. Эти черные горы – будто старые окаменелые звери. На Имандре вообще много таких каменных зверей. Вот высунулся из воды морж, тюлень, вот растянулся по пути нашей лодки большой черный кит.

– Волса-Кедеть! – показывает на него лопарь и прислушивается.

Все тоже, как и он, поднимают весла и слушают. Булькают удары капель с весел о воду, и еще какой-то неровный плеск у камня, похожего на кита. Это легкий прибор перекачивает белую пену через гладкую спину «кита», и оттого этот неровный шум, и так ярко блестит мокрый камень на солнце.

– Волса-Кедеть шумит! – говорит Василий.

Меня раздражает эта медлительность лопарей; хочется ехать скорее. Я во власти той путевой инерции, которая постоянно движет вперед.

– Ну, так что же такое! – отвечаю я Василию. – Шумит и шумит.

– Да ничего. Так. шумит. Бывает перед погодой, бывает так.

Ему хочется мне что-то рассказать.

– Волса-Кедеть значит – кит-камень. Отцы говорят – это колдун.

И рассказывает предание:

– Возле Имандры сошлись два колдуна и заспорили. Один говорит: «Можешь ты зверем обернуться?» Другой отвечает: «Зверем я не могу обернуться, а нырну китом, и ты не увидишь меня, уйду в лес». Обернулся – и в воду. Немного не доплыл до берега и показал спину. Колдун на берегу видал, крикнул. Тот и окаменел.

Такое предание о ките.

– А вот этот морж? – спрашиваю я.

– Нет, это камень.

– А птица?

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Тоже так. камень. Вот у Кольской губы – там есть люди окаменелые. Колдунья тащила по океану остров, хотела запереть им Кольскую губу. А кто-то увидел и крикнул. Остров остановился: колдунья окаменела, и все люди в погосте окаменели.

Мы едем ближе к горам. Мне кажется, что если хорошенько крикнуть теперь, то и мы, как горы, непременно окаменеет. Я изо всей силы кричу. Горы отзываются. Лопари с поднятыми вверх веслами каменеют и слушают эхо.

Подшутить бы над ними? У ног моих на дне лодки большой камень-якорь с веревкой. Беру этот камень и прямо возле девушки бросаю его в Имандру. Бух!

Я не сразу понял, в чем дело. Вижу только – девушка стоит рядом, что она схватилась за нож, но ее удержали. В воде плавают весла.

Лапландка от испуга пустила в меня веслом, промахнулась, хотела зарезать, но ее удержали, и теперь с ней истерика.

– наших женок, – укоризненно говорит мне Василий, – нельзя пугать. Наши женки пугливые. Могла бы и беда быть.

Немного спустя девушка приходит в себя, а лопари как ни в чем не бывало смеются.

Рассказывают мне множество разных случаев и все приговаривают: «Наши женки пугливые».

– Отчего это? – спрашиваю я.

– неизвестно.

После всех этих рассказов мне не хотелось больше шуметь и кричать. Мне кажется, что если я теперь крикну еще раз, то все эти окаменевшие звери, рыбы и птицы испугаются, проснутся, и от этого будет что-то такое, отчего сейчас страшно, но что – это неизвестно.

– В горах, – говорит Василий, – есть озера, где лопарь не посмеет слова сказать и веслом стукнуть. Вот там есть такое озеро: «Вард-озеро».

Он показал рукой на мрачное ущелье Им-Егор. Это ущелье – расселина в горах: вход внутрь этой огромной каменной крепости Хибинских гор.

Туда мы и отправимся завтра на охоту за дикими оленями, но сегодня мы заедем в Белую губу.

Там живут лопари в пыртах, живет телеграфный чиновник, у которого можно достать масла и хлеба.

У подножья мрачных Хибинских гор, на которые похожа декорация в дантовом Аду, возле Имандры живет маленький чиновник. Он похож на крошечный винтик от часового механизма: так высоки горы, и так он мал.

Судьба его закинула сюда, в эту мрачную страну, и он покорился и стал жить. Он имеет какое-то отношение к предполагавшейся здесь железной дороге. План давно рухнул наверху. Но внизу дело по инерции продолжается, и винтик сидит на своем месте.

В своем путешествии я боюсь местных людей, и особенно чиновников. Они все заинтересованы лично в этой жизни и смотрят на нее из своего маленького окошечка, то обиженные и раздраженные, то самодовольные и самоуверенные. Все они глубоко убеждены, что мы, сторонние люди, ничего не видим, и, чтобы видеть, нужно, как они, завинтиться на десятки лет.

Я читал где-то, что все путешественники считают лопарей взрослыми детьми – простодушными, доверчивыми, а все местные люди – лукавыми и злыми. Почему это?

Я иду к чиновнику за мукой и маслом и побаиваюсь его, потому что ревниво оберегаю свой собственный, независимый взгляд, добытый из одинокого общения с природой и лопарями. Оберегаю от расхищения все это милое мне путешествие, о котором мечтал еще ребенком.

Мы говорили с чиновником о масле и хлебе, потом о картофеле, который этот человек пробует развести. И как-то сама собой заходит речь о лопарях.

– Это дикие, тупые, жестокие и злые люди, – говорит он мне, – это выродки и скоро вымрут.

– Да ведь это не доказано, – пробую защитить я, – может быть, и не вымирают.

– Нет вымирают, – отвечал он. – Вырождаются.

Он долго бранит лопарей и жалуется на то, как тут трудно жить культурному человеку зимой, когда солнце даже не всходит. Тьма, из-под пола дует. Жутко!

Я чувствую себя так, будто никуда не ездил и от скуки сужу и пересуживаю с кем-то лопарей. Смутно даже чувствую себя неправым перед этим винтиком: ведь его завинтили насильно. И я спасся от этого только потому, что добрая бабушка испекла для меня волшебный колобок. Выхожу на воздух; меня встречает горящая гладь спокойного горного озера.

Сосну часок и буду следить за всем, что случится этой загадочной солнечной ночью.

Станционная изба устроена по типу лопарского пьрта. В ней есть камелек, лавки, окна. Лопари к моему приезду все собрались в избу и сидят теперь на лавках в ожидании меня. В избе дым. Это от комаров: хотят их убить. Я ложусь, стараюсь уснуть.

Как и зачем я попал в Лапландию? Эти люди такие же обыкновенные, как наши мужики. Наши пасут коров, а эти – оленей. Какие это охотники? Но у нас-то ночь теперь. Как хорошо там! Я теперь дома: темно, совсем темно. Но почему это кто-то неустанно требует открыть глаза! – Не открою, не открою! – И не надо открывать, а только чуть подними ресницу, увидишь, как хороша наша ночь! – Я открываю глаза. Вся Имандра в огне. Солнце. И ночь, которая мне грезилась, как большая черная птица с огненными перьями, улетает через озеро на юг.

Лопарей нет. Дым разошелся. Комары мертвые валяются на подоконнике.

Только десять вечера, но горы уже спят, закрылись белыми одеялами. Имандра горит, разгорается румянцем во сне, и близится время волшебных видений в стране полуночного солнца.

Зазвенели струны кантеле. Запел человек.

Пел дела времен минувших, пел вещей происхождение.

Просыпаюсь. Солнца не видно в мое окошко, так оно высоко поднялось уже. Опять я не видал полуночного солнца. Василий сидит у камелька и отливает в деревянную форму пули на диких оленей. Сегодня мы будем ночевать в горах и охотиться.

В горах есть озеро, к которому лопари питают суеверный страх. Это озеро со всех сторон защищено горами и потому почти всегда тихое, спокойное. Высоко над водой есть пещера, и там живут злые духи. В этом озере множество рыбы, но редко кто осмелится ловить там. Нельзя: при малейшем стуке весла злые духи вылетают из пещеры. И вот один молодой ученый из финской ученой экспедиции собрал лопарей на это озеро и принялся стрелять из ружья в пещеру. Вылетели несметные стаи птиц, черных и белых, но ничего не случилось.

С тех пор лопари там не боятся стукнуть веслом и ловят много рыбы.

Хорошо бы побывать внутри этой пещеры и оттуда посмотреть на полуночное солнце. Но это и далеко, и в самую пещеру почти невозможно добраться. Василий советует удовлетвориться ущельем Им-Егор – не менее мрачным, но доступным. В этом ущелье мы переночуем, войдем через него внутрь Хибинских гор и по Гольцовой реке вернемся опять к Имандре.

Пока мы набиваем патроны, готовим пищу, собираемся, Имандра уже опять готовится встречать вечер и солнечную ночь.

Неужели опять случится что-нибудь, почему я не увижу солнечную полночь: дождь, туман или просто мы не успеем выбраться из лесу в горы?

Чтобы выбраться из ущелья, нужно часа два ехать на лодке и часа три подниматься в гору. Теперь шесть.

– Скорей, скорей! – тороплю я Василия.

Скользим на лодке по тихому озеру: ни малейшего звука, даже чаек нет. Ущелье видно издали; оно разрезает черную каменную гряду наверху. Снизу, с озера, оно вовсе не кажется таким мрачным, как рассказывают: просто – это ворота, вход в эту черную крепость. Гораздо таинственнее и мрачнее этот лес у подножья гор. Те мертвые, но лес-то живой и все-таки будто мертвый.

Мы причаливаем к берегу, входим в лес: гробовая тишина! В нем нет того зеленого радостного сердца, по которому тоскует бродяга, нет птиц, нет травы, нет солнечных пятен, зеленых просветов. Под ногами какие-то мягкие подушки, за которыми нога ощупывает камень, будто заросшие мхом могильные плиты.

С нами идут в горы двое лопарей: Василий с сыном; остальные разводят костер у берега Имандры, садятся вокруг костра и начинают играть в карты. Завтра они встретят нас в устье Гольцовой реки.

Я надеваю сетку от комаров; от этого лес становится еще более мрачным. С плиты на плиту, выше и выше мы поднимаемся по этому северному кладбищу. Дальше и дальше взрывы смеха лопарей. Разве тут можно смеяться!

Мы вступаем в глубь леса с ружьями, заряженными пулями и дробью. Мы тут можем встретить каждую минуту медведя, дикого оленя, россомаху; глухарей, наверно, встретим, сейчас же встретим. Но я даже не готовлю ружья. Я повторяю давно заученные стихи:

Пройдя полпути своей жизни,
В минуту унынья вступил
Я в девственный лес.
Это вход в дантов Ад.
Не знаю, в каком мы кругу.
Комары теперь не поют, как обыкновенно, предательски-жалобно, а воют, как легионы злых духов. Мой маленький Вергилий с кривыми ногами, в кривых башмаках, не идет, а скачет. У него вся шея в крови. Мы бежим, преследуемые диаволами дантова Ада.

В чаще иногда бывают просветы, бежит ручей; возле него группа деревьев, похожих на яблони. И нужно подойти вплотную к ним, чтобы понять, в чем дело: это березы здесь так растут, совсем как яблони.

У одного такого ручья мы замечаем тропинку, как раз такую, какие у нас прокладывают пешеходы у краев полей. Это оленья тропа. Теперь мы бежим по этой тропе в расчете встретить гонимого комарами оленя. Как только мы выбежим из лесу, тут и будет конец всего, – голые скалы и сияние незаходящего солнца. Я совсем не думаю ни о птицах, ни о зверях. Вдруг перед нами на тропу выбегает птица, куропатка, и быстро бежит не от нас, а к нам. Как это ни странно, ни поразительно для меня, не выдавшего ничего подобного, но, подчиняясь той атавистической силе, которая на охоте мгновенно переделывает культурного человека в дикого, я навожу ружье на бегущую к нам птицу.

Василий останавливает меня:

– У нее детки: нельзя стрелять, надо пожалеть.

Куропатка подбегает к нам, кричит, трепещет, бьет крыльями по земле. На крик выбегает другая, такая же. Обе птицы о чем-то советуются: одна бежит прямо в лес, а другая – вперед по тропе и оглядывается на нас, будто зовет куда-то. Мы остановимся – она остановится, мы идем – и она катится впереди нас по тропе, как волшебный колобок. Так она выводит нас на полянку, покрытую травой и березками, похожими на яблони, останавливается, оглядывает нас, кивает головой и исчезает в траве. Обманула, завела нас на какую-то волшебную полянку с настоящей, как и у

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
нас, травой и с яблонями и исчезла.

– Вот она, смотри, вон там пробирается, – смеется Василий.

Я присматриваюсь и вижу, как за убегающей птицей остается след шевелящейся травы.

– Назад бежит, к деткам. Нельзя стрелять. Грех!

Если бы не лопарь, я бы убил куропатку и не подумал бы о ее детях. Ведь законы, охраняющие дичь, действуют там, где она переводится; их издают не из сострадания к птицам. Откуда у этого дикаря сознание греха? Или так уж заложена в самом человеке жалость к птенцам?

Под свист комаров я раздумываю о своем охотничьем инстинкте, а на оленью тропу время от времени выбегают птицы, иногда с большими семьями. Раз даже выскочила из-под елового шатра с гнезда глухарка, встрепанная, растерянная, села в десяти шагах от нас и смотрит как ни в чем не бывало, будто большая курица.

– Ну, убей! Что же, убей! – показывает мне на нее Василий.

– Так грех, у ней дети.

– Ничего, что ж грех. бывает, и так пройдет: убил и убил.

Лес становится реже и реже, деревья ниже. Мы вступаем в новый круг дантова Ада.

Сзади нас остается тайбола – лесной переход, а впереди – тундра. Это слово мы усвоили себе в ненецком значении: большое, не оттаивающее до дна болото; а лопари им обозначают, напротив, совсем сухое, покрытое оленьим мохом место.

Здесь мы хотим отдохнуть, развести огонь, избавиться немного от воя комаров. Через минуту костер пылает, комары исчезают, и я снимаю сетку. Будто солнце вышло из-за туч, так стало светло. Внизу Имандра, на которой теперь выступает много островов, за ней – горы Чуна-тундра с белыми полосами снега, будто ребрами. Внизу лес, а тут тундра, покрытая желто-зеленым ягелем, как залитая лунным светом поляна.

Ягель – сухое растение. Оно растет, чтобы покрыть на несколько вершков скалы, лет десять. И вот этой маленькой березке, может быть, уже лет двадцать – тридцать. Вот ползет какой-то серый жук; вероятно, он тоже без крови, без соков, тоже не растет. И тишина-тишина. Медленная, чуть тлеющая жизнь.

Отдохнули у костра и идем выше по голым камням. Ущелье Им-Егор теперь уже не кажется прорезом в горах. Это огромные черные узкие ворота. Если войти в них, то непременно увидим одного из дантовых зверей.

Еще немного спустя мы внутри ущелья Дантовой пантеры нет, но зато из снега – тут много снега и камней – поднимается олень и пробегает через все ущелье внутрь Хибинских гор. Стрелять мы не решились, потому что от звука может обрушиться одна из неустойчивых призматических колонн.

Мы проходим по плотному, слежавшемуся снегу через ущелье, в надежде увидеть оленя по ту сторону, но там лишь необозримое пространство скал, молчаливый, окаменевший океан.

Десять вечера.

Мы набрали внизу моха и развели костер, потому что здесь холодно от близости снега. Так мы пробудем ночь, потому что здесь нет ни одного комара, а завтра рано утром двинемся в путь. На небе ни одного облачка. Наконец-то я увижу полуночное солнце! Сейчас солнце высоко, но все-таки есть что-то в блеске Имандры, в тенях гор вечернее.

А у нас, на юге, последние солнечные лучи малиновыми пятнами горят на стволах деревьев, и тем, кто в поле, хочется поскорей войти в лес, а тем, кто в лесу, выйти в поле. У нас теперь приостанавливается время, один за другим смолкают соловьи и черный дрозд последней песней заканчивает зорю. Но через минуту над

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
прудами закружатся летучие мыши, и начнется новая, особенная ночная жизнь.

Как же здесь? Буду ждать.

Лопари и не думают о солнце, – пьют чай, очень довольны, что могут пить его безгранично: я подарил им целую четвертку.

– Солнце у вас садится? – спрашиваю я их, чтобы и они думали со мной о полуночном солнце.

– Закатается. Вон за ту вараку. Там!

Указывают рукой на Чуна-тундру. Это значит, что они жили внизу, у горы, и не видели за ней незаходящего солнца. В это «комарное время» они не ходят за оленями и не видят в полночь солнца.

Что-то дрогнуло на солнце. Вероятно, погас первый луч. Мне показалось, будто кто-то крикнул за ущельем в горах и потом заплакал, как ребенок.

– Что это? Слышите?

– Птица!

Это, вероятно, крикнула в тишине, при красном свете потухающего солнца полярная куропатка.

После одиннадцати. Один луч потухает за другим. Лопари напился чаю и вот-вот заснут, и я сам борюсь с собою изо всех сил. Нужно непременно заснуть, или произойдет что-то особенное. Нельзя же сознать себя без времени! Не могу вспомнить, какое сегодня число.

– Какое сегодня число?

– Не знаю.

– А месяц?

– Не знаю.

– Год?

Улыбаются виновато. Не знают. Мир останавливается.

Солнце почти потухло. Я смотрю на него теперь, и глазам вовсе не больно. Большой красный мертвый диск. Иногда только шевельнется, взбунтуется живой луч, но сейчас же потухнет, как конвульсия умирающего. На черных скалах всюду я вижу такие же мертвые красные круги.

Лопари смотрят на красный отблеск ружья и говорят на своем языке, спорят.

– О чем вы говорите, о солнце или о ружье?

– О солнце. Говорим, что сей год лекше идет, – может, и устроится.

– А прошлый год?

– Закаталось. Вон за ту вараку.

Будто разумная часть моего существа заснула и осталась только та, которая может свободно переноситься в пространства, в довременное бытие.

Вон эту огромную черную птицу, которая сейчас пересекает красный диск, я видел где-то. У ней большие перепончатые крылья, большие когти. Вот еще, вот еще. Одна за другой мелькают черные точки. Вот и лопари сидят у костра.

– Вы не спите?

– Нет.

– Какие это птицы там пролетели по солнцу? Видели вы?

– Это гуси летят к океану.

Солнце давно погасло, давно я не считаю времени. Везде – на озере, на небе, на горах, на стволе ружья – разлита красная кровь. Черные камни и кровь.

Вот если бы нашелся теперь гигантский человек, который восстал бы, зажег пустыню по-новому, по-своему. Но мы сидим, слабые, ничтожные комочки, у подножия скал. Мы бессильны. Нам все видно наверху этой солнечной горы, но мы ничего не можем.

И такая тоска в природе по этому гигантскому человеку.

Вот я вижу, луч заиграл.

– Видите вы? – спрашиваю я лопарей.

– Нет.

– Но сейчас опять сверкнул, видите?

– Нет.

– Да смотрите же на горы! Смотрите, как они светлеют.

– Горы светлеют. Верно! Вот и заиграло солнышко!

– Теперь давайте вздремнем часика на два. Хорошо?

– Хорошо, хорошо! Надо заснуть. Тут хорошо, комар не обижает Пospим, а как солнышко станет на свое место, так и в путь.

После большого озера Имандра до города Колы еще целый ряд узких озер и рек.

Мы идем то тайболой, то едем на лодке.

Чем ближе к океану, тем климат мягче от теплого морского течения. Я это замечаю по птицам. Внутри Лапландии они сидят на яйцах, а здесь постоянно попадают с выводками цыплят. Но, может быть, я ошибаюсь и раньше не замечал птенцов, потому что был весь поглощен страстью к охоте.

Тут что ни шаг, то выводок куропаток и глухарей, но мы не стреляем и питаемся рыбой.

Проходит день, ночь, еще день, еще ночь, солнце не сходит с неба, постоянный день.

Чем ближе к океану на север, тем выше останавливается солнце над горизонтом и тем ярче оно светит в полночь. Возле океана оно и ночью почти такое же, как и днем.

Иногда проснешься и долго не поймешь, день теперь или ночь. Летают птицы, порхают бабочки, беспокоится потревоженная лисицей мать-куропатка. Ночь или день? Забываешь числа месяца, исчезает время.

И так вдруг на минуту станет радостно от этого сознания, что вот можно жить без прошлого и что-то большое начать.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

Колобок. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!